

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 4. С. 1173–1231.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 7, no. 4 (2023): 1173–1231.

Научная статья

УДК 94.47

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-4-2>

EDN RFESNM

Проблема смертности среди советских военнопленных в Финляндии (1939–1944 гг.)

Анатолий Алексеевич Хорошев

Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова,

Архангельск, Россия,

anatliij-khrshev@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5111-021X>

Anatolii A. Khoroshev

Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov,

Arkhangelsk, Russia,

anatliij-khrshev@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5111-021X>

Аннотация. В статье рассматривается проблема смертности среди советских военнопленных в Финляндии в период с 1939 по 1944 г. Основными источниками стали воспоминания бывших военнопленных, а также документы из Государственного архива Российской Федерации. В фонде, посвященном репатриации советских граждан (Ф-9526), содержатся сведения о военных преступлениях в отношении советских военнослужащих, находившихся в финском плену. В первой части статьи рассматривается вопрос о численности советских военнопленных на территории Финляндии с 1941 по 1944 г. Анализ историографии и комплекса исторических источников выявил, что в начальный период конфликта часть пленных не была зарегистрирована. Положение советских военнопленных в финских лагерях зависело от соблюдения законодательства Финляндии, поскольку ни одно из международных соглашений, таких как IV Гагская конвенция и Женевская конвенция 1929 г., не было ратифицировано Советским Союзом в полном объеме. Это привело не только к суровой системе наказаний в отношении советских военнопленных, но и к трудностям в обеспечении их необходимой медицинской помощью, питанием и т.д. С 1941 по 1944 г. на территории Финляндии советских военнопленных было значительно больше, чем в период Зимней войны, к чему финская сторона оказалась не готова. В первые месяцы конфликта лагерную и административную организацию пленных пришлось расширять ускоренными темпами, а связанная с этим неразбериха свидетельствует о неподготовленности и безразличии к проблеме военнопленных, поскольку она не была приоритетом наступательной войны. В заключительной части статьи выделена совокупность факторов, повлиявших на высокую

© Хорошев А.А., 2023

© Khoroshev A., 2023

смертность советских военнопленных в финских лагерях в начальный период советско-финской войны 1941–1944 гг.: недостаточное питание, неприемлемые бытовые условия, непосильный труд, суровый климат, отсутствие внимания к состоянию здоровья военнопленных, политика руководства того или иного лагеря.

Ключевые слова: Финляндия, СССР, концентрационные лагеря, военнопленные, плен, финская администрация, Зимняя война, Война-продолжение

Для цитирования: Хорошев А.А. Проблема смертности среди советских военнопленных в Финляндии (1939–1944 гг.) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 4. С. 1173–1231, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-4-2>

The Problem of Mortality among Soviet Prisoners of War in Finland (1939–1944)

Abstract. The article examines the problem of mortality among Soviet prisoners of war in Finland in the period between 1939 and 1944. Memoirs of former prisoners of war and documents from the State Archives of the Russian Federation were used as the main sources. The fonds dedicated to the repatriation of Soviet citizens (F-9526) contains information about war crimes against Soviet soldiers in Finnish captivity. The first part of the article examines the issue of the number of Soviet prisoners of war in the territory of Finland from 1941 to 1944. An analysis of historiography and a complex of historical sources revealed that during the initial period of the conflict some of the prisoners of war were not recorded. The status of Soviet prisoners of war in Finnish camps depended on compliance with Finnish legislation, since none of the international agreements, such as the Fourth Hague Convention and the Geneva Convention of 1929, were ratified by the Soviet Union in full. This resulted in a harsh system of punishments against Soviet prisoners of war and also to difficulties in providing them with the necessary medical care, food, etc. In the period between 1941 and 1944, the number of Soviet prisoners of war in the Finnish territory was significantly higher than during the Winter War, for which the Finnish side was not ready. During the first months of the Continuation War, the camp and administrative organization of prisoners of war had to be expanded at an accelerated pace, and the resulting confusion indicates a lack of preparation and indifference to the problem of prisoners of war, since it was not a priority of the offensive war. The final part of the article highlights a set of factors that influenced the high mortality rate of Soviet prisoners of war in Finnish camps in the initial period of the Soviet-Finnish war of 1941–44. Among them were malnutrition, unacceptable living conditions, backbreaking toil, harsh climate, lack of attention to the health of prisoners of war, and the policy of the leadership of a particular camp.

Keywords: Finland, USSR, concentration camps, prisoners of war, captivity, imprisonment, Finnish administration, Winter War, Continuation War

For citation: Khoroshev, A.A. “The Problem of Mortality among Soviet Prisoners of War in Finland (1939–1944).” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 7, no. 4 (2023): 1173–1231, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-4-2>

Введение

До сих пор войны продолжают оставаться способом решения конфликтов между государствами. Тысячи людей по всему миру гибнут, страдают и попадают в плен. В этой связи особую значимость приобретает изучение исторического опыта обращения с военнопленными.

Во время Второй мировой войны миллионы советских солдат и офицеров оказались в плену. Судьбы многих из них сложились трагически, несмотря на попытки международного сообщества создать универсальные законы и нормы, определяющие справедливое и гуманное обращение с пленным противником. Сохранение исторической памяти о жертвах самого кровавого конфликта не теряет своей актуальности и в современных условиях.

Не менее значимой является и проблема смертности среди военнопленных. Война коснулась каждой советской семьи, многие военнослужащие оказались в плену, некоторые из них до сих пор числятся пропавшими без вести. После распада СССР и изменения политической ситуации у граждан Российской Федерации появилась возможность получать за рубежом необходимые сведения о пропавших. Кроме того, это позволило ученым более детально исследовать данную проблему.

В отечественной историографии тему советско-финского плена начали исследовать преимущественно с 1990-х гг. Однако проблема смертности среди советских военнопленных в Финляндии в период с 1939 по 1944 г. до сих пор остается малоизученной.

В конце XX – начале XXI в. вышло несколько статей, посвященных пребыванию советских военнопленных на территории оккупированной Карелии¹. Большое значение для изучения советско-финского плена имеют работы профессора С.Г. Веригина².

¹ *Авдеев С.С.* Немецкие и финские лагеря для советских военнопленных в Финляндии и на временно оккупированной территории Карелии (1941–1944 гг.) // Вторая мировая война и Карелия. 1939–1945 гг.: материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию начала Великой Отечественной войны (г. Суоярви, Карелия, 9–10 марта 2001 г.) / под редакцией Н.А. Кораблева, В.Г. Макурова. Петрозаводск: Государственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Министерства культуры Республики Карелия, 2001. С. 49–57; *Иванов Н.А.* Финские лагеря для советских военнопленных на территории Медвежьегорского района Карело-Финской ССР // Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности: материалы VI международной научной конференции, посвященной 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов (г. Петрозаводск, 01–03 июня 2015 г.) / под редакцией К.Ф. Белоусова. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2016. С. 65–71; *Христофоров В.С.* Документы российских архивов о советских военнопленных в лагерях на территории Финляндии и Норвегии. 1941–1944 гг. // Отечественные архивы. 2008. № 3. С. 65–71.

² *Веригин С.Г.* Карелия в годы военных испытаний: Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2009; *Веригин С.Г.* Сандармох: есть ли в расстрельных могилах советские военнопленные? // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 3 (7). С. 11–21.

Много больше внимания этой проблематике на современном этапе уделяют зарубежные исследователи. Советским военнопленным периода Второй мировой войны посвящена вышедшая в Финляндии в 2009 г. русскоязычная монография профессора Д. Фролова, в которой на основе обширной источниковой базы рассматриваются проблемы численности, содержания и возвращения советских военнопленных³. Финский историк Антии Куяла (A. Kujala)⁴, занимающийся изучением незаконных расстрелов советских военнопленных, говорит о 22 тыс. чел., погибших в финском плену. Главной причиной высокой смертности он называет голод.

Большое значение для изучения темы советских военнопленных в Финляндии имеет исследовательский проект Национального архива Финляндии «Судьбы военнопленных и интернированных в 1939–1955 гг.», в ходе работы над которым ученые подготовили несколько монографий по различным темам. Их основные наблюдения и открытия собраны в книге под редакцией профессора Ларса Вестерлунда (L. Westerlund)⁵.

В исследовании «Судьбы военнопленных: советские военнопленные в Финляндии в 1941–1944 гг.»⁶ историк Миркка Даниэльсбакка (M. Danielsbacka) утверждает, что финские власти не ставили целью истребление военнопленных, как это происходило, например, в нацистской Германии, а голодная смерть сдавшихся в плен солдат стала результатом действий лиц, ответственных за условия содержания в лагерях.

В 2015 г. была опубликована работа финского историка Иды Суолахти (I. Suolahti)⁷, в которой рассматривается передача и обмен советскими военнопленными между Финляндией и Германией во время Войны-продолжения⁸. В исследовании автор раскрывает также систему управления лагерями в Финляндии.

³ Фролов Д.Д. Советско-финский плен. 1939–1944. По обе стороны колючей проволоки. Санкт-Петербург: Алетейя; Хельсинки: RME Group Oy, 2009.

⁴ Kujala A. Vankisurmat – Neuvostosotavankien laittomat ampumiset jatkosodassa. Helsinki: Otava, 2008.

⁵ Prisoners of War deaths and people handed over to Germany and the Soviet Union in 1939–55. A Research Report by the Finnish National Archives / edited by L. Westerlund. Helsinki: Kansallisarkisto, 2008.

⁶ Danielsbacka M. Vankien vartijat. Ihmislajin psykologia, neuvostosotavangit ja Suomi 1941–1944: väitöskirja. Helsingin yliopisto, 2013.

⁷ Suolahti I. Yhteinen vihollinen, yhteinen etu. Sotavankien luovutukset ja vaihdot Suomen ja Saksan välillä jatkosodan aikana. Helsinki: Helsingin yliopisto, 2015.

⁸ В Отечественной историографии не выделяют советско-финскую войну 1941–1944 гг. в отдельный конфликт. Как правило, в литературе данную войну характеризуют как «советско-финский фронт Великой Отечественной войны», поскольку Финляндия выступала в качестве союзника стран Оси с целью отторжения территории у СССР до «границы трех

Целью данной статьи стало выявление основных факторов смертности советских военнопленных в Финляндии в период с 1939 по 1944 г. Для этого были рассмотрены правовые особенности финского плена, изучен вопрос о численности советских военнопленных, а также проведен анализ литературы и источников, раскрывающих условия пребывания пленных в лагерях.

Основную группу источников составили архивные документы, широко привлекались материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Центральным для изучения стал фонд, посвященный репатриации советских граждан (Ф-9526). Кроме основных документов, касающихся организации процесса репатриации военнопленных и интернированных с территории Финляндии, в нем содержатся сведения о военных преступлениях в отношении советских военнослужащих, содержащихся в финском плену.

Важнейшей частью работы стали документы базы данных Национального архива Финляндии⁹. Они содержат информацию о военнопленных, погибших на территории Финляндии во время Войны-продолжения между Финляндией и Советским Союзом в 1941–1944 гг., а также о гражданских лицах, погибших в лагерях Восточной Карелии в этот период. На сайте архива выложен также список пленных, погибших во время Зимней войны в Финляндии в 1939–1940 гг. Использование финских архивных материалов помогло определить причины смертности пленных в период Зимней войны 1939–1940 гг. и Войны-продолжения 1941–1944 гг., а также узнать места расположения лагерей и их численный состав.

Большое значение для данного исследования имеет «Справочник по финским лагерям для военнопленных и интернированных, 1939–1944 гг.» под редакцией Ларса Вестерлунда¹⁰, содержащий базовую информацию о лагерях для военнопленных. Кроме того, в справочнике имеется архивный указатель, позволяющий более продуктивно работать с базой данных Национального архива Финляндии.

Отдельную группу составили источники личного происхождения. Важную роль в понимании условий содержания военнопленных в финских лагерях

перешейков» (Карельского, Олонецкого и Беломорского). В финской историографии существуют равноправные термины «Война-продолжение» и «Обособленная/отдельная война» для характеристики периода 1941–1944 гг. В данной работе автором используется термин «Война-продолжение».

⁹ Suomi, sotavangit ja ihmislouvutukset // Kronos.narc.fi. URL: http://kronos.narc.fi/index_rus.html (дата обращения: 10.06.2023).

¹⁰ Talvi-, jatko- ja Lapin sodan sotavanki- ja siviilileirit 1939–1944. Käsikirja / muokkaaja L. Westerlund. Helsinki: Kansallisarkisto, 2008.

играют воспоминания Шимона Янтовского¹¹. Целостную картину о пребывании советских граждан в финских лагерях помогают воссоздать и воспоминания узников концентрационных лагерей оккупированной Карелии¹².

Вопрос о численности советских военнопленных в Финляндии в период с 1941 по 1944 г.

В историографии советско-финляндского конфликта вопрос о количестве военнопленных и жертв в финских лагерях до настоящего времени остается дискуссионным. Это во многом обусловлено различными подходами к подсчету погибших, а также связано с поиском истинных причин высокой смертности в период с конца 1941 по начало 1942 г. Выделим главные спорные вопросы и определим способы решения данной проблемы.

По данным исследования Финского Национального архива в период с 1939 по 1944 г. число погибших военнопленных и гражданских лиц в лагерях, находившихся в ведении финских военных властей, составило 23 681 чел. 135 чел. скончались в период Зимней войны (1939–1940 гг.), 19 085 смертей связаны с Войной-продолжением (1941–1944 гг.), при этом 4 279 из них приходятся на концентрационные и пересыльные лагеря Восточной Карелии (1941–1944). 138 человек погибли в лагере для мирных жителей Миехиккяля (1941–1944), 44 смерти связаны с попыткой немцев захватить остров Суурсаари и Лапландской войной¹³ осенью 1944 г.¹⁴

Точных сведений о количестве попавших в финский плен советских военнослужащих до настоящего времени нет. Согласно некоторым данным финских исследователей, только в 1941 г. было взято в плен 65 358 человек и

¹¹ Янтовский Ш. Лагерь советских военнопленных-евреев в Финляндии (1942–1944 год). Иерусалим: Маханаим, 1995.

¹² Денисевич Н.И. Финский капкан: воспоминания и размышления бывшего малолетнего узника финского концлагеря. Минск: [б. и.], 2011; Судьба: сборник воспоминаний бывших малолетних узников фашистских концлагерей / под редакцией И.А. Костина. Петрозаводск: Типография им. П.Ф. Анохина, 1999; Плененное детство: сборник воспоминаний бывших малолетних узников / составители И.А. Костин, К.А. Ньюпиева. Петрозаводск: Фолиум, 2005.

¹³ Лапландской войной в западной историографии называется конфликт между Германией и Финляндией в период с 15 сентября 1944 по 27 апреля 1945 гг., поскольку боевые действия проходили в северной финской провинции Лапландия. В отечественной историографии для обозначения данного конфликта используются термины «германо-финская война 1944–1945 гг.»/«финляндско-германская (Лапландская) война 1944–1945 гг.».

¹⁴ Westerlund L. The Mortality Rate of Prisoners of War in Finnish Custody between 1939 and 1944 // Prisoners of War deaths and people handed over to Germany and the Soviet Union in 1939–55. A Research Report by the Finnish National Archives / edited by L. Westerlund. Helsinki: Kansallisarkisto, 2008. P. 14.

еще около 7 тыс. в 1942–1944 гг. (т.е. не менее 72 тыс. советских военнослужащих)¹⁵. Частью ученых было высказано предположение, что реальное число советских военнопленных за всю Войну-продолжение составило примерно 67 тыс.¹⁶ Из них карточки военнопленных успели получить около 64 тыс. солдат и офицеров¹⁷.

По отчету отдела по делам военнопленных при Красном Кресте Финляндии от 4 сентября 1944 г., за период с 1941 по 1944 г. число советских военнослужащих, попавших в плен, составило 68 881 чел. Однако, согласно статистике, подготовленной финнами для Союзной Контрольной Комиссии, на 31 декабря 1945 г. военнопленными числились 66 324 чел., т.е. на 2 557 чел. меньше. Штаб комендатуры по делам военнопленных в 1953 г. подготовил отчет, в котором общее количество советских военнопленных составляло 64 188 чел.¹⁸ Эти данные, вероятно, основывались на карточках военнопленных Финского Красного Креста и соответствуют количеству учтенных советских военнопленных. А это означает, что 3–4,5 тыс. советских пленных финские военные могли не зарегистрировать. Разница в числах обусловлена тем, что записи в военных дневниках могли быть неточными. Кроме того, ряд военнопленных могли быть расстреляны на месте, бежать или погибнуть от ран до того, как их перевезли в сборный пункт или лагерь и завели учетную карточку¹⁹.

Советский Союз был крайне заинтересован в тщательной проверке количества попавших в плен и погибших военнослужащих. В связи с этим Управление Уполномоченного СНК по делам репатриации предоставляло сведения, опубликованные в иностранной прессе, в Народный комиссариат иностранных дел СССР. В январе 1945 г. в результате проверки материалов досье ТАСС было установлено 57 тыс. советских военнопленных в Финляндии, из которых 18 тыс. погибли в плену. При этом основная масса сведений

¹⁵ *Mikkola P.* Sotavangin elämä ja kuolema. Jatkosodan neuvostovankien suuren kuolleisuuden syyt: Suomen ja Skandinavian historian pro gradu-työ. Helsingin yliopisto, 2000. P. 28–29; *Westerlund L.* The Mortality Rate of Prisoners of War in Finnish Custody between 1939 and 1944. P. 25.

¹⁶ *Kujala A.* Vankisurmat – Neuvostosotavankien laittomat ampumiset jatkosodassa. P. 311; *Danielsbacka M.* Vankien vartijat. Ihmislajin psykologia, neuvostosotavangit ja Suomi 1941–1944. P. 89; *Suolahti I.* Yhteinen vihollinen, yhteinen etu. Sotavankien luovutukset ja vaihdot Suomen ja Saksan välillä jatkosodan aikana. P. 47.

¹⁷ *Mikkola T.* Sotavankikysymys Suomessa vuosina 1941–1944: Poliittisen historian pro gradu-työ. Helsingin yliopisto, 1976. P. 183–197.

¹⁸ *Westerlund L.* The Mortality Rate of Prisoners of War in Finnish Custody between 1939 and 1944. P. 26.

¹⁹ *Manninen O.* Molotovin cocktail – Hitlerin sateenvarjo. Toisen maailmansodan historian uudelleenkirjoitusta. Helsinki: Painatuskeskus, 1994. P. 281–284.

касалась первой половины 1942 г. В частности, в докладной заместителю Народного комиссара иностранных дел СССР товарищу Деканозову В.Г. от января 1945 г. содержались следующие сведения:

1. Шведское телеграфное агентство «Стокгольм» 14.12.1942 г. сообщало, что по сведениям доктора медицины Гвидо Пидермана, обследовавшего лагерь военнопленных, в октябре 1942 г. в Финляндии находилось 45 тыс. русских военнопленных, и 15 тыс. чел. погибли в плену с начала военных действий.

2. 10.12.1942 г. хельсинский корреспондент газеты «Стокгольм биднинген» передавал, что в середине 1942 г. в финском плену находилось около 56 тыс. русских военнопленных, погибшими в плену к этому времени числились 12 тыс. чел.

3. 9.12.1942 г. стокгольмский корреспондент агентства «Бритиш Юнайтед Пресс», ссылаясь на опубликованные данные Финской Миссии в Берне, приводил общую цифру русских военнопленных в Финляндии – 57 тыс. чел., 12 тыс. к этому времени погибли в плену.

4. 5.12.1942 г. бернский корреспондент агентства «Ассошиэйтед Пресс», ссылаясь на данные Финской Миссии в Берне, указывал, что с начала военных действий до июля 1942 г. в Финляндии умерли 12 тыс. русских военнопленных. Далее со ссылкой на неуказанные авторитетные источники корреспондент добавлял, что с июля по декабрь 1942 г. умерли еще 5 тыс. чел.²⁰

Если учесть, что за весь период репатриации из Финляндии было вывезено в Советский Союз 42 374 бывших военнопленных советских гражданина, то обнаруживается расхождение в общем количестве пленных, установленном по разным источникам, с официальным числом репатриированных из Финляндии. Разница эта, вероятно, появилась в результате того, что какое-то неизвестное число военнослужащих попало к финнам в плен после первой половины 1942 г. На основании этого можно полагать, что общая цифра советских военнопленных в Финляндии превышает 60 тыс. чел. В связи с этим представителями СССР в Финляндии было предъявлено требование к финским властям о предоставлении точных поименных списков военнопленных, включающих, в том числе, данные по погибшим в плену.

В донесении от 13 апреля 1945 г. на имя В.Г. Деканозова сообщалось, что, согласно данным, полученным от ликвидационного органа штаба командующего по делам военнопленных при финской армии, среди советских военнопленных, находившихся в разных лагерях Финляндии, в период с июля

²⁰ Управление Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации 1944–1953 гг. Заместителю Народного комиссара иностранных дел СССР товарищу Деканозову В.Г. январь 1945 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 63. Л. 71.

1941 г. по сентябрь 1944 г. умерли 18 318 чел., в том числе 190 чел. – представителей офицерского состава²¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что общее количество советских военнопленных на территории Финляндии в период с 1941 по 1944 г. приблизительно составляло 60–70 тыс. чел. Столь существенная разница в числах объясняется во многом методикой подсчета. Так как у Советского Союза отсутствовали собственные точные данные, то приходилось опираться на финские источники, содержавшие противоречивую информацию. Стоит учитывать и тот факт, что не все военнопленные успели получить учетные карточки, а потому сведения о них не были внесены в документы. Выходом из ситуации могла бы стать совместная работа финских и российских исследователей по установлению лиц данной категории.

Правовая проблема плена

Во время Второй мировой войны важнейшими международными соглашениями, защищавшими статус военнопленных и гарантировавшими гуманное обращение с ними, были Гаагская конвенция («Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны») 1907 г. и Женевская конвенция 1929 г. Первый международный договор о законах войны был подписан в Гааге в 1899 г., а его расширенная версия утверждена в 1907 г. В Женевской конвенции 1929 г. юридически используется термин «военнопленный», которым обозначали лиц, принадлежавших к вооруженным силам воюющих сторон (то есть военнослужащих), и некоторых гражданских лиц, взятых в плен во время военно-морских и военно-воздушных операций. В эту категорию «включен был также состав добровольческих частей, состоящих из населения, взявшего оружие при сражении с наступающими на населенный пункт неприятельскими войсками»²².

Ни СССР, ни Финляндия не ратифицировали данные соглашения. Хотя по международному праву смена правительства не освобождала государство от его предыдущих обязательств. Кроме того, Советский Союз в начале Великой Отечественной войны заявил, что готов следовать нормам Гаагской конвенции, но во время конфликта практика оказалась иной. После войны финские юристы пришли к выводу, что наказания военнопленных, противоречившие как IV Гаагской, так и Женевской конвенциям, не противоречили международным

²¹ Заместителю Народного комиссара иностранных дел СССР товарищу Деканозову В.Г. апрель 1945 г. // ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 63. Л. 245.

²² Фролов Д.Д. Советско-финский плен. 1939–1944. По обе стороны колючей проволоки. С. 47.

соглашениям, обязательным для Финляндии, поскольку ни одно из этих соглашений не было ратифицировано Советским Союзом в полном объеме²³.

В начале войны в инструкциях штабу внутренних войск Финляндии указывалось, что, несмотря на то, что страна не связана Гаагской конвенцией 1907 г., некоторые нормы соблюдать необходимо. Следовало руководствоваться рядом положений²⁴:

1. Военнопленные находятся во власти финского правительства, а не отдельных лиц или групп, которые их захватили.

2. С военнопленными нужно обращаться гуманно.

3. Военнопленный обязан назвать свое имя и звание. Если он откажется это сделать, ему могут отказать в определенных льготах.

4. Военнопленному разрешается сохранить свои личные вещи.

5. Военнопленный может быть использован для работ, соразмерных его силам и способностям. Пленные, привлекаемые к тяжелым работам, должны быть обеспечены питанием, соответствующим качеству их работы.

6. Больному военнопленному должно быть оказано соответствующее лечение.

Гаагская конвенция также обязала Финляндию следовать законам и обычаям войны. Женевская конвенция 1929 г. разъяснила принципы обращения с военнопленными. Первая часть Женевского соглашения касалась военнопленных, а вторая – больных и раненых. Раздел о военнопленных стремился гарантировать им основные права, включая гуманное обращение. Статьи соглашения охватывали все аспекты содержания под стражей: перевозку военнопленных, устройство лагеря, жилья, организацию питания. Конвенция определяла вид и условия работы, а также возможные виды наказания для военнопленных. Возмездие в отношении пленных было запрещено²⁵.

Женевское соглашение было подписано более чем 50 государствами и действовало для большинства участников Второй мировой войны, за исключением Советского Союза и Японии. Советское правительство не посчитало необходимым подписывать Конвенцию 1929 г., поскольку уже присоединилось к Гаагской конвенции «О законах и обычаях сухопутной

²³ *Danielsbacka M. Vankien vartijat. Ihmislajin psykologia, neuvostosotavangit ja Suomi 1941–1944. P. 72.*

²⁴ *Danielsbacka M. Vankien vartijat. Ihmislajin psykologia, neuvostosotavangit ja Suomi 1941–1944. P. 73.*

²⁵ Geneva Convention on Prisoners of War, 1929 // *The Laws of Armed Conflicts: A Collection of Conventions, Resolutions and Other Documents / edited by D. Schindler, J. Toman. Geneva: Martinus Nijhoff Publishers, 1988. P. 339–366.*

войны» 1907 г., содержащей все важнейшие положения²⁶. Советский Союз подписал только Женевскую конвенцию «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» от 27 июля 1929 г. Однако Женевская конвенция «Об обращении с военнопленными» от 27 июля 1929 г. так и не была ратифицирована, поскольку СССР был не согласен с «принципом размещения военнопленных в лагерях по расовой и национальной принадлежности»²⁷. При этом Советский Союз 8 августа 1941 г. в ноте США и другим посольствам, аккредитованным в Москве, сообщил о том, что будет обращаться с военнопленными в духе Женевской конвенции²⁸.

Финляндия подписала IV Гаагскую конвенцию «О законах и обычаях сухопутной войны» 1907 г. Однако она не ратифицировала Женевскую конвенцию «Об обращении с военнопленными» от 27 июля 1929 г., поскольку финское уголовное право частично противоречило соглашению. Раздел 64 военно-уголовного кодекса Финляндии предусматривал смертную казнь для военнопленного, если он совершил действие, создающее опасность для сил Финляндии или ее союзников, или в пользу врага, что было несовместимо с положениями этой Женевской конвенции, статьи которой предусматривали, что военнопленные не могут быть приговорены к иным наказаниям, кроме тех, которые связаны с аналогичными правонарушениями, совершенными их собственными военнослужащими, и что солдаты, попавшие в плен до того, как они перешли на сторону противника, подлежат только дисциплинарным взысканиям²⁹.

Подполковник Армас-Эйно Мартола, представлявший Финляндию на конференции 1929 г. в Женеве, в своем докладе сразу после конференции указывал, что некоторые статьи соглашения не вполне соответствуют финскому законодательству. Однако он считал, что эти положения не противоречат духу финского права, и поэтому полагал, что Финляндия вполне может подписать, а затем и ратифицировать договор. В начале 1930-х гг. планировалось внести поправки в Уголовный кодекс Финляндии, с тем, чтобы

²⁶ Ржешевский О.А. Война и дипломатия. Документы, комментарии. Москва: Наука, 1997.

²⁷ Кузьминых А.Л. Правовое регулирование режима военного плена в СССР в период Второй мировой войны: теория и практика // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 3 (15). С. 82.

²⁸ Hallikainen J. Toimen menettämisestä raippaa, pilkasta luotiin: neuvostoliittolaisiin sotavankeihin kohdistunut kurinpito ja mielivalta. Suomen sotavankimuodostelmissa jatkosodan aikana: Suomen historian pro gradu-työ. Jyväskylän yliopisto, 2000. P. 144; Котляров И.И. 70 лет Великой Победы: международно-правовая оценка военных действий германских войск в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 5. С. 18.

²⁹ Kujala A. Vankisurmat – Neuvostosotavankien laittomat ampumiset jatkosodassa. P. 151–154.

впоследствии ратифицировать Женевскую конвенцию, однако это так и не было реализовано³⁰.

Во время Войны-продолжения член Верховного суда Финляндии капитан Пааво Кекомьяки считал, что Финляндия не обязана юридически соблюдать Женевскую конвенцию, поскольку ни одна из сторон конфликта официально к ней не присоединилась. Тем не менее, финские исследователи считают, что в армии она соблюдалась надлежащим образом³¹. В июле 1941 г. Пааво Кекомьяки указывал, что, исходя из опыта Зимней войны и «качества русских военнопленных», следует рассмотреть вопрос о введении телесных наказаний только в исключительных случаях³². В результате же именно они фактически стали наиболее широко применяемой формой наказания.

Во Второй мировой войне посредником между воюющими государствами выступал Международный комитет Красного Креста (МККК). Среди прочего, он предоставлял информацию о раненых и военнопленных. Кроме того, МККК помогал лагерям для военнопленных в разных странах. В начале Войны-продолжения он предложил передавать информацию о военнопленных Финляндии и Советскому Союзу, что было согласовано обеими странами. Тогда в Женеву из Финляндии стали поступать сведения о советских военнопленных, однако о финских военнопленных в Советском Союзе сведения не поступали. Отчасти это было связано с отказом Германии обмениваться всей информацией с СССР. Советский Союз также не разрешал наблюдателям Красного Креста посещать свои лагеря для военнопленных, что в зарубежной историографии объяснялось страхом Сталина перед шпионажем³³.

В результате, во время Второй мировой войны ни одно из международных соглашений об обращении с военнопленными не было официально обязательным для Финляндии. Соблюдение договоров также не гарантировало безопасность для военнопленных, поскольку почти все страны-участницы Второй мировой войны в какой-то степени нарушали Женевскую конвенцию. Безопасная перевозка, питание и содержание пленных были практически невозможны из-за их огромного количества. Кроме того, из-за выраженного идеологического контекста конфликта многие воюющие государства

³⁰ *Danielsbacka M.* Vankien vartijat. Ihmislajin psykologia, neuvostosotavangit ja Suomi 1941–1944. P. 73.

³¹ *Hallikainen J.* Toimen menettämisestä raippaa, pilkasta luotiin: neuvostoliittolaisiin sotavankieihin kohdistunut kurinpito ja mielivalta. P. 173–182; *Kujansuu J.* Jatkosodan sotavankiorganisaatio // *Vihollisen armoilla.* Neuvostosotavankien kohtaloita Suomessa 1941–1948 / muokkaaaja H. Roiko-Jokela. Jyväskylä: Minerva Kustannus Oy, 2004. P. 11–26.

³² *Kujala A.* Vankisurmat – Neuvostosotavankien laittomat ampumiset jatkosodassa P. 151–159.

³³ *Danielsbacka M.* Vankien vartijat. Ihmislajin psykologia, neuvostosotavangit ja Suomi 1941–1944. P. 73.

стремились не только разгромить врага, но и преобразовать побежденное общество³⁴.

Смертность в период Зимней войны 1939–1940 гг.

В карточках военнопленных Финского Красного Креста периода Зимней войны содержится информация о 5 594 советских военнопленных³⁵. Однако часть советских военнопленных не была зарегистрирована и учтена при подсчетах. По данным Гуннара Розена, финские войска во время Зимней войны взяли в плен 5 617 советских солдат³⁶. Единственной верной методикой подсчета, по нашему мнению, может быть только подсчет по картотекам финских и российских архивов. Смертность среди учтенных советских военнопленных в Зимней войне составила от 2 до 2,5 % от их общего числа.

Зимняя война носила оборонительный характер с финской стороны, хотя ее тактика основывалась на окружении противника в ходе контратак и формировании так называемых «котлов», в которых оказывались отдельные советские подразделения и воинские части. Финские войска стремились нанести как можно больше потерь личному составу Красной армии. Многие советские солдаты погибли, находясь в окружении. У них практически не было шансов выжить без продовольствия, топлива, боеприпасов и организованной медицинской помощи. Массовая капитуляция воинов КА на оборонительных позициях в котлах происходила сравнительно редко. При этом финские части прилагали усилия, чтобы попытки прорыва противника не увенчались успехом. Они позволяли голоду и низким температурам делать свое дело, ожидая благоприятного момента для решающего удара. Подобная тактика давала незначительное число пленных.

Медицинское обслуживание советских военнопленных во время Зимней войны было неудовлетворительным. В марте 1940 г. инспектор при штабе внутренних войск полковник Максимилиан Спаре заявил, что лагеря для военнопленных, как правило, находятся далеко от железнодорожных станций.

³⁴ MacKenzie S.P. The Treatment of Prisoners of War in World War II // The Journal of Modern History. 1994. Vol. 66, № 3. P. 487–520.

³⁵ Westerlund L. The Mortality Rate of Prisoners of War in Finnish Custody between 1939 and 1944. P. 19.

³⁶ Rosén G. Sata sodan ja rauhan vuotta. Suomen Punainen Risti 1877–1977. Helsinki: Suomen Punainen Risti, 2002. P. 509.

Поскольку одежда и обувь военнопленных были плохими, а пленные были слабыми, их вообще нельзя было доставить от вокзала до лагеря, особенно зимой, и до сих пор их часто перевозили на машинах³⁷.

Лечение в лагерях для военнопленных не отвечало самым элементарным требованиям. В одной палате, рассчитанной на 10–12 коек, могло находиться до 30 больных с разными диагнозами. Особо удручающее впечатление оставляло состояние тяжелораненых и обмороженных, которым уже невозможно было помочь. Муниципальный врач посещал больничные бараки только раз в неделю или по вызову. Единственная медсестра жаловалась на отсутствие даже самого элементарного оборудования и бинтов³⁸.

Смертность в период с 1941 по 1944 г.

С целью всестороннего изучения смертности советских военнопленных в ходе Войны-продолжения финскими исследователями были систематизированы статистические данные о погибших по местам содержания, а именно:

1. Организационные лагеря для военнопленных. Всего таких лагерей было четыре: № 1 – в Наараярви, № 2 – в Настоле, № 6 – в Виипури и № 9 – в Айосе, Кеми. В этих лагерях, вероятно, содержалось в совокупности около 15 тыс. военнопленных. В каждом из них погибло от 800 до 2 800 военнопленных.

2. Средние лагеря для военнопленных, в которых находилось около 9 тыс. военнопленных. Смертность в лагерях данного типа составляла от 90 до 330 чел.

3. Небольшие лагеря, в которых содержалось не более 10 тыс. военнопленных. Смертность в этих лагерях не превышала 60 чел.³⁹

4. Военные и полевые госпитали. Всего было создано шесть военных госпиталей для оказания медицинской помощи военнопленным. В этих госпиталях имелось 5 124 койки⁴⁰, хотя один источник указывает, что в них было более 6 тыс. коек⁴¹. Смертность не указана.

5. Рабочие роты военнопленных. В связи с необходимостью использования военнопленных в качестве рабочей силы в районах, где шли боевые действия, были созданы рабочие роты военнопленных, наполнением примерно по

³⁷ *Westerlund L.* The Mortality Rate of Prisoners of War in Finnish Custody between 1939 and 1944. P. 24.

³⁸ *Westerlund L.* The Mortality Rate of Prisoners of War in Finnish Custody between 1939 and 1944. P. 25.

³⁹ *Westerlund L.* The Mortality Rate of Prisoners of War in Finnish Custody between 1939 and 1944. P. 26–30.

⁴⁰ *Westerlund L.* The Mortality Rate of Prisoners of War in Finnish Custody between 1939 and 1944. P. 27.

⁴¹ *Mikkola T.* Sotavankikysymys Suomessa vuosina 1941–1944. P. 91.

200 чел. В основном данные формирования использовались на лесных и дорожных работах. Их командирами обычно являлись финские инженеры, мастера-строители и прорабы. По разным оценкам, в них находилось около 8 000 военнопленных⁴², из которых погибло 945 чел.

Причины смерти, перечисленные в файлах с данными о погибших советских военнопленных в исследовательском проекте финского Национального архива, были разделены финскими специалистами на следующие группы:

1. Инфекционные заболевания кишечника (23,5 %): диарея, дизентерия и др.
2. Инфекционные заболевания дыхательной системы (11,5 %): туберкулез, пневмония и др.
3. Другие инфекционные заболевания и болезни (18,6 %): заражение крови, пятнистая лихорадка и т.д.
4. Другие болезни (14,3 %): сердечно-сосудистые заболевания, заболевания почек, анемия, гангрена и т.д.
5. Симптомы, состояния и менее точно установленные причины смерти (29,2 %): голод, слабость и др.
6. Насильственные смерти (10 %): застрелен, умер от ран, замерз и т.д.
7. Информация отсутствует (7,3 %)⁴³.

Исследования современных финских историков позволяют более детально рассмотреть проблему голода среди советских военнопленных. Узник концентрационных лагерей в Восточной Карелии Н.И. Денисевич указывал в своих мемуарах, что с января 1942 г. существовали три категории норм питания для заключенных: А, В, и С.

[Норма] «А» для нетрудоспособных, которую давали с августа по октябрь 1942 г., содержала от 1500 до 2000 к/калорий. Норма «В» для работающих осенью 1941 года насчитывала примерно 2145 к/калорий, а позже стала составлять 2500 к/калорий. Норма «С» – для занятых на особо тяжелых работах и для больных – включала 2800 к/калорий⁴⁴.

Обеспечение советских военнопленных продовольствием во многом определялось состоянием экономики Финляндии. В годы Второй мировой войны в стране была реализована немецкая модель продовольственного регулирования, в которой нормировались практически все основные продукты

⁴² *Mikkola P.* Sotavangin elämä ja kuolema. Jatkosodan neuvostovankien suuren kuolleisuuden syyt. P. 44.

⁴³ *Westerlund L.* The Mortality Rate of Prisoners of War in Finnish Custody between 1939 and 1944. P. 32.

⁴⁴ *Денисевич Н.И.* Финский капкан: воспоминания и размышления бывшего малолетнего узника финского концлагеря. С. 70.

питания, а гражданские продовольственные пайки определялись в зависимости от ряда факторов: возраста и состояния здоровья человека, для женщин – беременности и др.⁴⁵.

Регулирование продовольственного снабжения было начато в Финляндии еще до начала Зимней войны, в октябре 1939 г. Тогда было ограничено потребление сахара и кофе, но после неурожая 1940-го и 1941-го гг. ограничения были распространены на ряд основных продуктов питания. Весной 1941 г. был нормирован отпуск практически всех продуктов, кроме картофеля. Оборот картофеля и корнеплодов контролировался государством⁴⁶. Урожай 1941 г. был плохим из-за потери пахотных земель, засухи и частичной нехватки рабочей силы. Поскольку большая часть импорта продовольствия во время войны поступала в Финляндию из Германии, ее продовольственное положение также оказало большое влияние на снабжение страны продуктами⁴⁷.

Как в Финляндии, так и в Германии нехватка продовольствия была наибольшей зимой 1941–1942 гг. В Финляндии ситуация усугублялась еще и тем, что исключительно суровая зима вызвала сложную ледовую обстановку на Балтийском море, что почти полностью остановило импорт из Германии в зимний период. Естественно, что общее продовольственное положение Финляндии сказывалось и на питании военнопленных, и на увеличении их смертности от голода и связанных с ним причин. Весной 1942 г. из рабочих рот поступали сообщения, что энергетическая ценность продовольственного пайка пленных была ниже нормативной примерно на 300 килокалорий из-за отсутствия молока, колбасы, маргарина, сыра, соленой рыбы и картофеля⁴⁸.

Исследователями предпринимались попытки объяснить смертность военнопленных лишь последствиями нехватки продовольствия⁴⁹. Однако, если бы это было главной причиной гибели более чем 30 % военнопленных, то вполне вероятно, что финские гражданские лица, жившие в городах, также страдали бы от недоедания⁵⁰. В 1946 г. Лига Наций в своем отчете «Продовольствие, голод и помощь. 1940–1946» отмечала, что ситуация с обеспечением населения Финляндии продовольствием в указанные годы

⁴⁵ *Collingham E.M.* The Taste of War. World War Two and the Battle for Food. London: Penguin Books, 2011. P. 4–5, 361–363; *Rautavirta K.* Petusta pitsaan. Ruokahuollon järjestelyt kriisiaikojen Suomessa. Helsinki: Yliopistopaino, 2010. P. 152–158.

⁴⁶ *Mikkola P.* Sotavangin elämä ja kuolema. Jatkosodan neuvostovankien suuren kuolleisuuden syyt. P. 54.

⁴⁷ *Mikkola T.* Sotavankikysymys Suomessa vuosina 1941–1944. P. 75–76.

⁴⁸ *Danielsbacka M.* Vankien vartijat. Ihmislajin psykologia, neuvostosotavangit ja Suomi 1941–1944. P. 98.

⁴⁹ *Manninen O.* Molotovin cocktail – Hitlerin sateenvarjo. Toisen maailmansodan historian uudelleenkirjoitusta.

⁵⁰ *Rautavirta K.* Petusta pitsaan. Ruokahuollon järjestelyt kriisiaikojen Suomessa. P. 159–161.

критически не ухудшалась⁵¹. Таким образом, регулируемое распределение продовольствия в отношении пленных во время войны могло быть специально занижено.

В исследовании Национального архива Финляндии указываются причины смерти около 17,5 тыс. военнопленных. Эта информация основана на карточках военнопленных Красного Креста Финляндии, следовательно, причина смерти с медицинской точки зрения определена достаточно точно. Согласно этим данным, от голода погибло около 6,5 тыс. чел., от кишечных инфекций – порядка 5 тыс. Кроме того, около 2,5 тыс. заключенных умерли от болезней легких, более тысячи – от заболеваний сердца. Инфекционные заболевания в качестве причины смерти финскими медиками устанавливались реже. В исследовании также указано, что около 2,3 тыс. военнопленных умерли насильственной или случайной смертью⁵². Таким образом, на основании указанных данных, можно утверждать, что именно голод был главным фактором смертности среди советских военнопленных⁵³.

Во время Войны-продолжения Силы обороны Финляндии обеспечивали продовольствием военнопленных, находившихся в лагерях или других формированиях при армейских корпусах или Штабе внутренних войск. В некоторых случаях обязанность кормить принимаемых ими военнопленных возлагалась на частных работодателей, при этом они должны были соблюдать нормы для военнопленных, установленные Министерством народного снабжения. Во время Войны-продолжения за питание военнопленных отвечал полковник, затем генерал-майор Вернер Густафссон (1890–1959)⁵⁴.

Главная Ставка Главнокомандующего К.Г.Э. Маннергейма установила для военнопленных в начале июля 1941 г. базовый рацион в 1508 килокалорий. Рацион работающих пленных составлял 2143 ккал. Основными продуктами

⁵¹ Food, famine and relief. 1940–1946. Geneve, 1946. P.4–5 // Archive.org. URL: <https://archive.org/details/foodfamineandrel031890mbp/page/n1/mode/2up> (дата обращения: 21.06.2023).

⁵² *Danielsbacka M.* Vankien vartijat. Ihmislajin psykologia, neuvostosotavangit ja Suomi 1941–1944. P. 99–100.

⁵³ *Mikkola T.* Sotavankikysymys Suomessa vuosina 1941–1944. P. 235–244; *Mikkola P.* Sotavangin elämä ja kuolema. Jatkosodan neuvostovankien suuren kuolleisuuden syyt. P. 172–178; *Westerlund L.* Sotavankien ja siviili-internoitujen sodanaikainen kuolleisuus Suomessa. Muonahuolto, tautisuus ja Punaisen Ristin toimettomuus 1939–44. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2009. P. 175, 328–333.

⁵⁴ *Danielsbacka M.* Vankien vartijat. Ihmislajin psykologia, neuvostosotavangit ja Suomi 1941–1944. P. 102.

питания были хлеб, мука, крупы и картофель. Кроме того, паек включал в небольшом количестве молоко, мясо, маргарин и сахар, а также специи и чай⁵⁵.

Согласно современным данным, умеренно активному молодому человеку нормального телосложения требуется от 2800 до 3000 ккал в день. Минимально-безопасное количество энергии составляет 1200 ккал в день для женщин и 1500 ккал – для мужчин. Кроме того, рекомендации по нижней границе нормы являются ориентировочными, поскольку индивидуальные потребности в энергии тесно связаны с полом, особенностями телосложения, возрастом и физической активностью.

Калорийность пайка советских военнопленных в период Зимней войны составляла порядка 2500 ккал⁵⁶. Женевская конвенция 1929 г. требовала, чтобы питание военнопленных было на том же уровне, что и питание солдат вооруженных сил противника. К содержанию военнопленных в финских лагерях повсеместно применялись два принципа снабжения: 1) военнопленных ставили в конец очереди, когда раздавали продовольствие; 2) питание военнопленных было привязано к их работе, чтобы работающие пленные получали больше еды.

Межведомственные разногласия об увеличении норм питания для военнопленных начались осенью 1941 г. В конце июля 1941 г. финское командование обратило внимание на проблему двух продовольственных норм, поскольку на практике было крайне сложно обеспечить их соблюдение. В качестве решения предлагалось с начала августа сделать нормой питания 1508 ккал, а дополнительное питание давать только военнопленным, отличившимся на работах. Однако с начала августа паек в 2143 ккал был дополнительно распространен на пленных, находившихся на работе часть дня, а также на офицеров и сержантский состав⁵⁷.

В дополнение к двум установленным пайкам была введена норма питания для военнопленных, переданных частным предпринимателям. Пленных начали использовать на работах в частных хозяйствах с июля 1941 г. В августе частным лицам было предоставлено право использовать труд военнопленных не только на сельскохозяйственных работах. Министерство народного снабжения Финляндии в начале сентября 1941 г. установило для них рацион в 2697 ккал. В сентябре 1941 г. Главная ставка увеличила продовольственную

⁵⁵ *Mikkola P. Sotavangin elämä ja kuolema. Jatkosodan neuvostovankien suuren kuolleisuuden syyt. P. 55–56; Danielsbacka M. Vankien vartijat. Ihmislajin psykologia, neuvostosotavangit ja Suomi 1941–1944. P. 103.*

⁵⁶ *Mikkola P. Sotavangin elämä ja kuolema. Jatkosodan neuvostovankien suuren kuolleisuuden syyt. P. 56.*

⁵⁷ *Danielsbacka M. Vankien vartijat. Ihmislajin psykologia, neuvostosotavangit ja Suomi 1941–1944. P. 107.*

норму для работающих военнопленных до 2298 ккал. Тревожные новости стали приходить из финских лагерей в ноябре 1941 г. Из лагеря под Рийхимяки поступали сообщения о «странных болезнях» военнопленных, при которых часть тела опухала настолько, что человек становился нетрудоспособным. Медицинский инспектор лагерей для военнопленных Сало заявил, что рацион питания для занятых на работах военнопленных оказался слишком низким. Из лагерей для военнопленных № 9, № 11, № 19, № 8, № 2 и № 7 приходили жалобы на недостаточное снабжение, сообщали о голоде и даже голодных смертях. Врачи считали рацион слишком скудным для военнопленных, привлекаемых к работам, и предлагали поднять их рацион до 3000 ккал. В лагерях на середину ноября находилось почти 3 300 ослабленных и больных военнопленных, без учета более 4 000 пленных в госпиталях⁵⁸. В тот момент казалось очевидным, что пайки должны быть увеличены, если военнопленные используются на работе. В своем докладе по результатам проверки главный куратор при Министерстве народного снабжения Финляндии В. Густафссон предложил оставить следующие нормы снабжения пленных: основную (2038 ккал) и для работающих (2538 ккал).

В показаниях советских военнопленных, репатриированных на родину после окончания войны, также содержатся сведения о недостаточном питании и голоде в финских лагерях в период с 1941 по 1942 г. Так, контингент лагеря № 91 в районе Холосино насчитывал 200–205 чел. По свидетельствам очевидцев, от истощения и побоев в этом лагере с сентября 1941 г. по сентябрь 1942 г. ежедневно умирали 4–5 чел⁵⁹. В лагере № 1 к апрелю 1942 г. умерли от голода 120 чел., 70 % пленных офицеров были истощены⁶⁰.

Смертность в лагерях резко возросла к зиме 1941 г. С июля по октябрь 1941 г. в общей сложности погибло около 500 военнопленных, в ноябре – не менее 600, в декабре смертность среди военнопленных увеличилась более чем вдвое⁶¹.

Штаб внутренних войск указывал на то, что недисциплинированность пленных и их побегі происходили из-за неравномерности распределения продовольствия. Финский исследователь Антти Куяла считает, что

⁵⁸ *Danielsbacka M. Vankien vartijat. Ihmislajin psykologia, neuvostosotavangit ja Suomi 1941–1944. P. 108–110.*

⁵⁹ Показания бывших военнопленных о произволе финских властей над советскими военнопленными // ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 107.

⁶⁰ Там же. Л. 131.

⁶¹ *Danielsbacka M. Vankien vartijat. Ihmislajin psykologia, neuvostosotavangit ja Suomi 1941–1944. P. 119.*

если бы военнопленные получали достаточно еды в течение первых 14 месяцев войны, то была бы устранена главная причина беспорядков и побегов⁶².

Таким образом, по мнению ученого, плохое управление отражалось и на дисциплине в лагерях.

Продуктов постоянно не хватало, а те, что выдавались, зачастую были плохого качества, непригодными для питания. В сентябре 1941 г. полковник В. Густафссон поручил лицам, ответственным за уход за военнопленными,

следить за тем, чтобы все отходы, которые больше не пригодны для использования в питании военных, но все еще могут быть использованы для потребления человеком, учитывались в пище для пленных⁶³.

Питание могло использоваться лагерной администрацией в качестве меры поощрения или наказания. В правилах для военнопленных это положение было изложено в следующей формуле: труд трудолюбивых пленных вознаграждается за счет сокращения пайка «ленивых». Таким образом, неработающие пленные зачастую получали наименьший рацион питания, а слабость от голода истолковывалась как лень и приводила к еще большему уменьшению рациона.

Лица, принимавшие политические решения, обратили внимание на ситуацию с питанием военнопленных в начале 1942 г., отчасти из-за утечки информации в иностранную прессу⁶⁴. По словам генерал-майора Вернера Густафссона, повышенный рацион был утвержден потому, что военнопленных стали использовать на таких тяжелых работах, что прежних порций было недостаточно. В действительности пленных использовали на тяжелых работах с начала войны. Перед утверждением нового рациона требовалось заключение главврача и утверждение Министерства народного снабжения⁶⁵. Калорийность порций снизилась до 1889 ккал (основная) и 2389 ккал (для работающих), но одновременно был создан паек в 2800 ккал для военнопленных, используемых на тяжелых работах. Базовый рацион по-прежнему должны были получать военнопленные, которые не работали за пределами лагеря, рацион для работающих – те, кто был занят физическим трудом, а рацион третьего типа – помимо занятых на тяжелых работах, также больные и выздоравливающие.

⁶² Kujala A. Vankisurmat – Neuvostosotavankien laittomat ampumiset jatkosodassa. P. 261.

⁶³ Danielsbacka M. Vankien vartijat. Ihmislajin psykologia, neuvostosotavangit ja Suomi 1941–1944. P. 122.

⁶⁴ Заместителю Народного комиссара иностранных дел СССР товарищу Деканозову В.Г. январь 1945 г. // ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 63. Л. 71.

⁶⁵ Danielsbacka M. Vankien vartijat. Ihmislajin psykologia, neuvostosotavangit ja Suomi 1941–1944. P. 123.

Новые нормы снабжения вступили в силу 25 января 1942 г. Однако смертность продолжала расти, и в начале марта третий тип рациона разрешили использовать для питания ослабленных и больных военнопленных во временных госпиталях по заключению врача. Эти нормы сохранялись до 5 июня 1943 г., когда был полностью отменен базовый рацион⁶⁶. Впрочем, узники лагерей этих перемен практически не замечали. Бывший заключенный Н.И. Денисевич вспоминал:

Да, на бумаге такие нормы возможно и существовали, но в действительности калорийность суточного рациона узников не достигала и половины декларированного в этих «нормах». В большинстве опубликованных воспоминаний бывших узников концлагерей суточный паек в лучшие времена составлял от 150 до 200 граммов галет или 200–300 граммов хлеба, или стакан муки плюс 150–200 граммов овощей. Изредка выдавали по 50 г кровяно-крупяной колбасы. В начальный период существования лагерей норма питания была еще более скудной и составляла 100–150 грамм галет⁶⁷.

В сборнике воспоминаний Шимона Янтовского содержатся следующие сведения о питании в лагерях для военнопленных зимой 1941–1942 гг.:

Рацион был следующим: утром чай с двумя кусочками сахара и пайкой хлеба 200–250 грамм, вечером – около одного литра мучной похлебки (баланды), заправленной маргарином⁶⁸.

Ситуацию также усугубляли неясные обязанности по содержанию военнопленных. Лагерями для военнопленных в Финляндии ведал штаб внутренних войск. Вопросы ухода за военнопленными возлагались на Главную Ставку Главнокомандующего К.Г.Э. Маннергейма, а также на Министерство народного снабжения и Министерство транспорта и общественных работ.

Однако голод был главной, но не единственной причиной высокой смертности пленных в финских лагерях. Другим важнейшим фактором являлся непосильный труд военнопленных. Во время Войны-продолжения труд пленных находился в ведении Сил обороны и использовался для создания, восстановления и обслуживания лагерей, а также для различных гражданских

⁶⁶ *Danielsbacka M.* Vankien vartijat. Ihmislajin psykologia, neuvostosotavangit ja Suomi 1941–1944. P. 124.

⁶⁷ *Денисевич Н.И.* Финский капкан: воспоминания и размышления бывшего малолетнего узника финского концлагеря. С. 70–71.

⁶⁸ *Янтовский Ш.* Лагерь советских военнопленных-евреев в Финляндии (1942–1944 год). С. 141.

работ. В инструкции штаба по использованию труда военнопленных в июне 1941 г. говорилось, что военнопленные должны и могут привлекаться к тем работам, которые соответствуют их силам и способностям. Министерство транспорта и общественных работ приняло решение о порядке приоритета гражданских работ для военнопленных. В начале Войны-продолжения Финляндия начала использовать труд военнопленных, организовав должную охрану и изолировав их от мирных жителей. На первом месте были работы по погрузке и разгрузке, затем – лесозаготовительные работы, на третьем месте – сельскохозяйственные работы и работы, где требовались пленные с особыми навыками. К осени порядок приоритетов был изменен, больше внимания стало уделяться сельскохозяйственным работам⁶⁹. К началу октября 1941 г. из более чем 27 тыс. работавших в финских лагерях военнопленных почти половина (12,4 тыс.) трудилась в сельском хозяйстве⁷⁰. По показаниям советских военнопленных лагеря № 1 Пейпохия, на сельскохозяйственных работах их «запрягали» в финский плуг по 20 человек и производили вспашку поля. Пахали с августа по октябрь 1941 г. по болотистой почве, где внизу была холодная вода⁷¹.

В конце осени 1941 г., по завершении уборочной страды, трудовой ресурс военнопленных был перенаправлен в другие отрасли экономики страны: на лесозаготовки, торфяные разработки, в дорожное строительство. В начале декабря 1941 г. на сельскохозяйственных работах было занято только около 8 % (2,5 тыс. пленных), около 17 % (5 тыс. пленных) – в частном и государственном секторах, большинство – в дорожном строительстве. 8,5 тыс. пленных (около 28 %) работали на Штаб внутренних войск. В лесной промышленности было занято 2,9 тыс. пленных (10 %) ⁷². В целом, можно сделать вывод, что сфера применения труда военнопленных в Финляндии во многом определялась трудовой необходимостью, временем года и местом. В северной Финляндии преобладало лесное хозяйство, южнее – сельское хозяйство.

Низкая работоспособность военнопленных зимой 1941–1942 гг. в основном была связана с недоеданием. К концу войны стало очевидным, что военнопленные в хорошем физическом состоянии, получавшие достаточное количество еды, работали значительно лучше. Труд пленных стал более продуктивным на рубеже 1942–1943 гг., особенно в сельском хозяйстве. В

⁶⁹ *Kauhanen J.* Kohtaamispaikkana Pelso. Pakosta, tarpeesta ja halusta valloittamassa ja hyödyntämässä suota 1857–1990. Joensuu: Joensuun yliopistopaino, 2005. P. 255.

⁷⁰ *Danielsbacka M.* Vankien vartijat. Ihmislajin psykologia, neuvostosotavangit ja Suomi 1941–1944. P. 132.

⁷¹ Зверства в лагере № 1 // ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 131.

⁷² *Danielsbacka M.* Vankien vartijat. Ihmislajin psykologia, neuvostosotavangit ja Suomi 1941–1944. P. 132.

1944 г. рабочая сила военнопленных активно применялась практически во всех сферах производственной жизни Финляндии.

Таким образом, общее количество советских военнопленных на территории Финляндии в период с 1941 по 1944 г. составляло приблизительно от 60 до 70 тыс. человек. Погибшими, по разным оценкам, из их числа насчитывается около 19 тыс. Столь существенная разница в количестве военнопленных объясняется во многом методикой подсчета. Так как у Советского Союза отсутствовали точные сведения, то опираться приходилось на финские источники, которые могли содержать противоречивую информацию.

Военные преступления в отношении советских военнопленных в лагерях Финляндии

Еще одной причиной высокой смертности среди военнопленных в Финляндии стали военные преступления: убийства, издевательства, случаи неподобающей жестокости. По мнению финских исследователей, ход войны между Германией и Советским Союзом и роль Финляндии в ней оказывали решающее влияние на отношение к военнопленным⁷³. Так, согласно работе Антти Куяла (A. Kujala), большинство дел об убийствах военнопленных, дошедших до Верховного суда, были заведены по фактам преступлений, совершенных в 1941 г. и в начале 1942 г., когда у финской стороны существовала уверенность в победе Германии.

Осенью 1944 г. Союзная Контрольная Комиссия в ходе своей миссии, совместно с представителями Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, посещали финские лагеря для военнопленных, где фиксировали донесения о возможных преступлениях и издевательствах со стороны администрации лагерей. Так, 15 октября 1944 г. группой освобожденных комсомольцев (Соколов, Левянен, Логинов, Робачев, Беляев, Финберг) было написано следующее заявление, которое они просили разместить в одной из центральных газет:

Мы молодые граждане Советского Союза, долгое время томившиеся в фашистских тюрьмах, выражаем глубокую благодарность Советскому Правительству и своему народу в том, что счастливый народ и Правительство нашей Родины не оставило своих людей гнить в финских тюрьмах, а взяло обратно на свою землю. Мы бесконечно благодарим народ и непобедимую Красную Армию и лично общего нашего друга

⁷³ Kujala A. The Unlawful Killings of POWs during the Continuation War, 1941–1944 // Prisoners of War Deaths and People Handed Over to Germany and the Soviet Union in 1939–55. A Research Report by the Finnish National Archives / edited by L. Westerlund. Helsinki: Kansallisarkisto, 2008. P. 89.

товарища Сталина в своем освобождении. Живя годами в застенках, мы вынесли все издевательства и пытки, которыми подвергали нас наши враги. Нас били, пытали, томили голодом, но дух советских граждан в нас еще с большей силой окреп, и для нас эта борьба стала политической школой, в которой фашизм показал еще раз, что вся правда, за что борется наш народ, на нашей стороне. А они как были варварами в наш век, так и остались зверьми для всего прогрессивного человечества.

Никто из нас не забудет зверских отношений в тюрьме и лагере Киннасвары, где не было ни одного дня, чтобы кто-либо не был избит конвойными людьми, у которых уже не было человеческих чувств. До конца своих жизней мы будем помнить фашистских псов: Рихивару, Ковала, Ророярви, бывших в Киннасвара и угробивших много наших хороших товарищей. Не сгладится то весеннее утро, когда они, 6 человек, пьяные, расстреляли партизана Гагарина. Много характерных примеров можно привести о фашистских варварах, которые унесли тысячи жизней наших людей. Нам эти зверства еще больше возбудили ненависть к фашистским кровопийцам, так как мы по летам были молоды. Эти события в нашей жизни будут вспоминаться кошмарным сном, который возбуждает в нас гнев и презрение к этому зверью и мщение за зверские их отношения и за кровь погибших друзей.

Мы готовы вновь пойти за Родину на любое дело, куда только пошлет на Правительство и Коммунистическая партия, с её вождем Великим Маршалом – товарищем Сталиным. Да здравствует наша Родина – Советский Союз, освободившая нас от ига фашистских палачей⁷⁴!

Можно предположить, что подобные материалы создавались в том числе с целью оказать давление на финские власти и ускорить ход репатриации. Перемирие сентября 1944 г. требовало, чтобы Финляндия осудила своих граждан, совершивших военные преступления. Советский Союз разрешил финским гражданским судам и военным трибуналам выносить приговоры военным преступникам в соответствии с национальным законодательством страны. По данным исследования Антти Куяла, в 1945–1949 гг. 56 дел об убийствах военнопленных во время боевых действий на фронте в ходе Войны-продолжения дошли до Верховного суда. Из них по 33 делам Верховный суд приговорил в общей сложности 35 человек. По 23 делам никто осужден не был⁷⁵.

В Союзной контрольной комиссии подробно описывали встречи с военнопленными, фиксировали случаи преступлений финских

⁷⁴ Заметка в газету от группы освобожденных комсомольцев (Копия) // ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 189. Л. 302.

⁷⁵ *Kujala A. The Unlawful Killings of POWs during the Continuation War, 1941–1944. P. 86.*

военнослужащих. Как показали опросы и беседы с военнопленными, финское командование издевалось над пленными, сознательно истребляло их, особенно представителей командного состава. Финские военные систематически избивали военнопленных, умышленно истощали, провокациями доводили до самоубийств, практиковали получение ложных показаний под пытками, врачи в госпиталях умерщвляли раненых военнопленных путем инъекций, запрягали офицеров в плуги и бороны и пахали на них, за плохую работу раздевали и избивали палками. Все факты, указанные в донесениях военнопленных, требуют тщательной проверки. Однако часть из них представляет особый интерес:

1. По финским данным, в лагере № 1 умерло 123 человека, из них только 8 красноармейцев, остальные офицеры. Большинство, по показаниям военнопленных, было расстреляно или умерло от голода, хотя финны в представленных списках писали: умер от воспаления легких, гриппа и т.д.

2. По показаниям военнопленных, командование лагерей поощряло действия своих сотрудников. Так, например, в лагере № 1 комендант, капитан финской армии Мустанен награждал капрала, который расстрелял пленного лейтенанта Лещева за попытку кражи одной пряжки, 10 днями отпуска, а финская охрана говорила: «Чтобы получить отпуск, нужно убить русского пленного». Согласно заключению СКК, учет военнопленных в лагерях был поставлен плохо, что делалось умышленно, чтобы не нести ответственности за истребление военнопленных.

3. В лагере военнопленных № 9563 в 25 км от Юнтосранта в 1941–1942 гг. был групповой расстрел (однократный. Точная дата не указана. – А. Х.) 14 русских военнопленных с предварительным отрезанием носа, ушей, губ охранником лагеря солдатом Туруниным.

4. По заявлению военнопленного Иванова Николая Ивановича, по вине командования 2 пересыльного лагеря в г. Наараярви в октябре 1941 г. от издевательств и побоев, плохого питания в день умирало до 70 военнопленных. За переход из барака в барак охрана расстреливала военнопленных.

5. По заявлению военнопленного Аржевитина Федора Ивановича, в августе и сентябре 1942 г. на лесных работах от пересыльного лагеря г. Кеми военнопленных систематически избивали. За 1,5 месяца умерло 18 военнопленных красноармейцев. Виновники – командование лагеря и охрана.

6. По заявлению военнопленного Голованова Александра Ивановича, в лагере № 19 (г. Оулу) в декабре 1941 г. и в январе 1942 г., в лагере № 14 (г. Сортавала) капрал Аласари расстрелял нескольких военнопленных, живых закапывал в снег. Капрал Куйка избивал военнопленных, в результате чего умер военнопленный Шабанов Ф. Этот же Куйка в январе 1942 г. застрелил

военнопленного Цирульника Бориса за то, что тот не мог работать из-за истощения.

7. По заявлению военнопленного Кабанова Алексея Павловича, в ноябре 1942 г. в лагере № 3 за хождение военнопленных группами в уборную оружейным огнем было ранено несколько военнопленных.

8. По заявлению военнопленного Липовича Александра Менделеевича, за период его пребывания в лагере № 2 (Наараярви) с июля 1941 по декабрь 1944 г. на его глазах от избиений, голода, холода, вшей умерло 8 000 советских военнопленных (указанные данные требуют дополнительной проверки. – А. Х.). В лагере № 3 «Ронки» охрана лагеря винтовочным огнем тяжело ранила 6 военнопленных красноармейцев⁷⁶.

9. Постоянный состав лагеря № 91 в районе Холосино насчитывал 200–205 чел. Особенно издевались над евреями, коммунистами и советскими работниками. Евреев клали в мешок и обливали ледяной водой, приклеивали столярным клеем бороды, одевали в пеструю одежду⁷⁷.

10. В Донесении от 31 декабря 1944 г. на имя заместителя Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР генерал-лейтенанта Голубева сообщалось, что, по агентурным данным, в Финляндии русских парашютистов обычно казнили на кладбище в г. Коуволла. Перед отправкой задержанных к месту казни их принуждали переодеваться в финскую солдатскую форму. Переброска смертников из казарм на кладбище производилась на автомашине, шофером которой был Эйно Рюенсен, уроженец д. Анттила, прихода Валкаела⁷⁸.

11. Салонен, начальник лагеря № 1 Пейпохия (июнь 1941 – апрель 1942 г.), заявлял: «Вы большевистская зараза, и нам приказано вас уничтожить». Избивали, морили голодом. Запрягали в финский плуг по 20 человек и производили вспашку поля. Пахали с августа по октябрь 1941 г. по болотистой почве, где внизу была холодная вода. Не меняли белье 8 месяцев»⁷⁹.

Во время репатриации представители СССР собирали всю возможную информацию об издевательствах и преступлениях в отношении советских военнопленных. Можно выделить следующие группы военных преступлений:

А. Убийства и расстрелы военнопленных:

⁷⁶ Донесение № 1 Начальнику Управления кадров ГЛАВПУРККА генерал-лейтенанту тов. Пупышеву // ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 10. Л. 71–73.

⁷⁷ Показания бывших военнопленных о произволе финских властей над советскими военнопленными // ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 107.

⁷⁸ Зам. Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР генерал-лейтенанту тов. Голубеву // ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 63. Л. 15.

⁷⁹ Зверства в лагере № 1 Пейпохия // ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 131.

1. В лагере военнопленных № 14 в г. Сортавала в декабре 1941 г. капрал Алассари расстрелял двух военнопленных у бочки с отбросами пищи и уже расстрелянных колот штыком.

2. В 1943 г. из лагеря военнопленных № 14 в г. Сортавала сбежало 4 человека, но через 2 дня все они были пойманы охраной лагеря и расстреляны, а их трупы оставили у входных ворот лагеря в качестве устрашения.

3. По заявлению военнопленного Бушмаринова Александра Александровича, в сентябре 1943 г. начальник лагеря № 6 убил военнопленного Антонова Кирилла.

4. По заявлению военнопленного Озерова Ивана Р., в сентябре 1943 г. начальник лагеря № 74 г. Медвежьегорск избивал военнопленных пистолетом, военнопленного Брякова Алексея застрелил.

5. По заявлению военнопленного Бичкина А.Г., в 1941 г. в ноябре–декабре в лагере «Кемиярви» военнопленный Лехмус Федор убивал голодных пленных. Позже он добровольно ушел в финскую армию.

6. По заявлению военнопленного Максикова Леонида Федосеевича, в отделении лагеря № 19 г. Оулу ст. Мухос, местечко Ляпиниеми за побег из лагеря в декабре 1941 г. несколько военнопленных убили. Так, убили военнопленного Тихонова⁸⁰.

7. 09.06.1943 г. в лагере № 3 были расстреляны при попытке побега 4 человека⁸¹.

Б. Издевательства и телесные наказания:

1. В июне 1942 г. в лагере № 19 в гор. Оулу один младший сержант из числа охранников в ночное время врывается в барак к спящим военнопленным, натравливал на них собаку, а сам избивал палкой всех подряд.

2. 15 августа 1942 г. на втором пересылочном пункте в 25 км от Наараярви на торфоразработках мастер и охранник, при участии старшины пункта Азимова (русский, принявший финское гражданство), избивали палкой военнопленного Бистрова Сергея Федотовича.

3. По заявлению военнопленного Максикова Леонида Федосеевича, в отделении лагеря № 19 г. Оулу ст. Мухос, местечко Ляпиниеми, как охрана, так и начальство отделения издевались над военнопленными: избивали, выгоняли при 30 градусах на мороз, плохо кормили. За подбор выброшенных костей военнопленного Смирнова охрана расстреляла.

4. По заявлению военнопленного Груздева Николая Ивановича, 10 сентября 1944 г. военнопленные из лагеря № 16 г. Коккола были направлены на лесные

⁸⁰ Донесение № 2 Начальнику Управления кадров ГЛАВПУРККА генерал-лейтенанту тов. Пупышеву // ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 10. Л. 73.

⁸¹ О зверствах в лагере № 3 // ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 128.

работы в 90 км от города. При работе военнопленных избивали, не выдавали хлеба, сахара.

В. Жестокость администрации лагерей:

1. В лагере военнопленных № 9563 в 25 км от Юнтосранта в 1941–1942 гг. охранники Бахманов и Чанин сожгли двух военнопленных на каменке.

2. По заявлению военнопленного в лагере № 3 Миронова Василия Андреевича, командование лагеря издевалось над военнопленными, лишали пайка. Охрана часто стреляла по баракам. Так, 29.07.1943 с вышки часового ружейным огнем было ранено 6 чел. Действия часового одобрили.

3. По заявлению военнопленного Григорьева Анания Георгиевича, в 1942 г. в лагере военнопленных в г. Вааза: кормили плохо, больные в госпитали не отправлялись, посылались на все работы и в случаях отставаний пристреливались охраной. Избиения были систематическим явлением.

4. Публичные избиения в лагере № 91 в районе Холосино / Юлтусранта. Выстраивали военнопленных на улице в два ряда по 100 чел. и «провинившихся» отпускали через строй и избивали ремнями. Были случаи, когда в бане вешали вниз головой в горячем пару⁸².

5. О зверствах в лагере № 32:

– Начальник лагеря Карл Койвисто брал продукты пленных, выгонял больных на работу (погибло 13 человек).

– Переводчик в лагере Олешин Алексей мстил большевикам.

– Другой начальник этого лагеря, Рахмоса, систематически избивал военнопленных, выводил по 30 человек за зону лагеря и бил резиновой палкой⁸³.

Даже после заключения перемирия в некоторых лагерях отношение к военнопленным не изменилось. Например, 6 военнопленных работали у барона Рамсау. 24 октября они должны были отправляться на родину и 23 октября не вышли на работу, так как готовились к отъезду. Сын барона Рамсау – капитан Рамсау – вызвал охрану и приказал убить одного военнопленного, капрал выстрелил в пленного Гусса и тяжело его ранил⁸⁴. В лесном лагере Ногоа в день отправки на сборные пункты избили всех военнопленных. Барак, в котором находились пленные, был обстрелян из автоматов. Данный материал был передан СКК для принятия самых жестких мер. Известно, что СКК потребовала ареста капитана Рамсау, капрала, который стрелял, и всех конкретных виновников по другим фактам издевательств.

⁸² О зверствах в лагере № 91 в районе Холосино (Юлтусранта) // ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 127.

⁸³ О зверствах в лагере № 32 // ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 129.

⁸⁴ Донесение № 2 Начальнику Управления кадров ГЛАВПУРККА генерал-лейтенанту тов. Пупышеву // ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 10. Л. 73–74.

Пленные были сильно озлоблены на старшин из числа военнопленных. Есть много фактов их избиения и даже убийства. В результате, старшины находились в отдельных бараках и отправлялись в специальных вагонах.

По требованию СКК многие финские военные были арестованы за издевательство и истребление советских военнопленных. Верховный суд Финляндии рассмотрел в 1945–1949 гг. в общей сложности 148 дел о военных преступлениях в отношении военнопленных. Важно отметить, что далеко не по всем делам были вынесены приговоры, а некоторые преступники были осуждены лишь за нанесение телесных повреждений военнопленным. «Непредумышленное убийство» стало самой распространенной статьей, по которой бывшие финские военные были по суду привлечены к уголовной ответственности. К непредумышленному убийству были отнесены также факты подстрекательства к совершению непредумышленного убийства и соучастию в нем, убийства по желанию потерпевшего, причинения смерти по неосторожности и нападения без намерения убить. Если солдат расстреливал тело уже мертвого военнопленного, то его осуждали за неподобающее для солдата поведение⁸⁵.

Как видно из вышеприведенных фактов, убийства военнопленных по большей части происходили в первые два года войны, когда существовала уверенность в победе Германии. Мечь, ненависть к Советскому Союзу и личные причины играли важную роль при совершении преступлений в лагерях для военнопленных. В боевых условиях большинство рядовых солдат считали бесчестным расстрел сдавшихся советских военнослужащих, и финским офицерам часто было очень трудно найти кого-то, кто совершил бы это⁸⁶. Преступления в отношении советских военнопленных стали возможны в результате существования правовой проблемы. Некоторые положения Гаагской конвенции 1907 г., а также Женевской конвенции 1929 г. не принимались финским военным законодательством, а приказы, отданные солдатам во время Войны-продолжения, во многом соответствовали национальному праву. Наиболее распространенной ситуацией, когда военнопленных расстреливали за линией фронта, была казнь схваченного беглеца или пленного, обвиненного в неподчинении, в качестве назидания.

⁸⁵ Kujala A. The Unlawful Killings of POWs during the Continuation War, 1941–1944. P. 89–90.

⁸⁶ Kujala A. The Unlawful Killings of POWs during the Continuation War, 1941–1944. P. 92.

Заключение

В современной историографии существует ряд точек зрения на то, почему уровень смертности советских военнопленных в финском плену во время Войны-продолжения был более чем в 12 раз выше, чем в период Зимней войны.

В период с 1941 по 1944 г. на территории Финляндии советских военнопленных было значительно больше, чем в период Зимней войны. Финны оказались к этому не готовы, а потому в первые месяцы вынуждены были быстрыми темпами расширять лагерную систему и налаживать административный контроль над ней. Отсутствие координации в работе разных ведомств приводило к тому, что с момента попадания военнопленного СССР в финский плен до его регистрации иногда проходили месяцы. Недавно захваченные военнопленные могли быть расстреляны на месте, бежать или погибнуть от ран до того, как их перевозили в сборный пункт или лагерь и соответственно регистрировали⁸⁷. В результате не все военнопленные успевали получить карточки, и информация о них не была отражена в учетных документах, что до наших дней не дает возможности определить точное количество военнопленных Красной армии, попавших в финский плен. Неразбериха в начале конфликта говорит о неподготовленности Финляндии к большому количеству советских военнопленных.

На протяжении всей Войны-продолжения приказы по вопросам военнопленных поступали из Главной Ставки, но ответственность за них нес в основном штаб внутренних войск. Недостаточная четкость распределения функционала сказывалась, например, на обеспечении безопасности и организации обслуживания лагерей. Отметим, что официально финская сторона не проводила политику по целенаправленному уничтожению лагерного контингента, при этом в лагерях Финляндии с 1941 по 1944 г. погибло 30 % советских военнопленных. Большинство военных преступлений совершалось в первые годы войны, когда у финской стороны существовала уверенность в победе Германии в войне против Советского Союза.

Таким образом, можно выделить совокупность следующих факторов, повлиявших на столь высокий уровень смертности советских военнопленных в финских лагерях: недостаточное питание; неудовлетворительные условия содержания; тяжелый, изнуряющий труд; суровый климат; отсутствие внимания к состоянию здоровья военнопленных; политика руководства того или иного лагеря.

⁸⁷ Manninen O. Molotov's cocktail – Hitler's sateenvarjo. Toisen maailmansodan historian uudelleenkirjoitusta. P. 281–284.

Introduction

Until now, wars have been a way to resolve conflicts between states. Thousands of people around the world are dying, suffering, and being taken captive. In this regard, the study of historical experience in the treatment of prisoners of war is of particular importance.

During World War II, millions of Soviet soldiers and officers were captured. Despite the attempts of the international community to create universal laws and norms defining fair and humane treatment of captured enemies, many of them had tragic destinies. Preserving historical memory of the victims of the bloodiest conflict does preserve its relevance in modern conditions.

No less significant is the problem of mortality among prisoners of war. The war affected every Soviet family, many soldiers were taken captive, and some of them are still listed as missing. After the collapse of the USSR and changes in the political situation, citizens of the Russian Federation got the opportunity to obtain the necessary information about missing persons abroad. In addition, this allowed scholars to study this problem in more detail.

In domestic historiography, the research into the subject of Soviet-Finnish captivity began mainly in the 1990s. However, the problem of mortality among Soviet prisoners of war in Finland in the period between 1939 and 1944 still remains poorly examined.

Several articles on the stay of Soviet prisoners of war in the territory of occupied Karelia¹ were published in the late 20th – early 21st century. Professor S. Verigin's works are of great importance for the study of Soviet-Finnish captivity.²

¹ S.S. Avdeev, "German and Finnish Camps for Soviet Prisoners of War in Finland and in the Temporarily Occupied Territory of Karelia (1941–1944)" [in Russian], in *World War II and Karelia. 1939–1945: Proceedings of the Scientific and Practical Conference Dedicated to the 60th Anniversary of the Outbreak of the Great Patriotic War (Suoyarvi, Karelia, March 9–10, 2001)*, ed. N.A. Korablev, and V.G. Makurov (Petrozavodsk: Gosudarstvennyi tsentr po okhrane i ispol'zovaniyu pamyatnikov istorii i kul'tury Ministerstva kul'tury Respubliki Kareliya, 2001), 49–57; N.A. Ivanov, "Finnish Camps for Soviet Prisoners of War in the Territory of Medvezhyegorsk Raion of the Karelo-Finnish SSR" [in Russian], in *Historical Readings at no. 5, Andropov Street. History of Security Agencies: Proceedings of the VI International Scientific Conference Dedicated to the 70th Anniversary of the Victory of the Soviet People in the Great Patriotic War of 1941–1945 (Petrozavodsk, June 01–03, 2015)*, ed. K.F. Belousov (Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU, 2016), 65–71; V.S. Khristoforov, "Documents from Russian Archives about Soviet Prisoners of War Held in the Camps in Finland and Norway. 1941–1944" [in Russian], *Otechestvennye arkhivy*, no. 3 (2008): 65–71.

² S.G. Verigin, *Karelia during the Years of Ordeal by War: The Political and Socio-Economic Situation of Soviet Karelia during World War II, 1939–1945* [in Russian] (Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU, 2009); S.G. Verigin, "Sandarmokh: Are There Soviet Prisoners of War in the Death Pits?" [in Russian], *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo*, no. 3 (7) (2017): 11–21.

Foreign researchers are paying much more attention to this issue at the present stage. The Russian-language monograph by Professor D. Frolov published in Finland in 2009 is dedicated to Soviet prisoners of war during the Second World War. Based on an extensive complex of sources, it examines the problems of the number, conditions of holding, and repatriation of Soviet prisoners of war.³ Finnish historian A. Kujala⁴ who specializes in the illegal executions of Soviet prisoners of war, speaks of 22 thousand people who died in Finnish captivity. He cites hunger as the main reason for the high mortality rate.

Of great importance for studying the topic of Soviet prisoners of war in Finland is the research project of the National Archives of Finland “The Fates of Prisoners of War and Internees in 1939–1955.” While working on this project, scholars prepared several monographs on various topics. Their main observations and discoveries are collected in the book edited by Professor L. Westerlund.⁵

The study “The Fates of Prisoners of War: Soviet Prisoners of War in Finland 1941–1944,”⁶ by historian M. Danielsbacka argues that the Finnish authorities did not aim to exterminate prisoners of war, as it happened, for example, in Nazi Germany, and death of starvation of the soldiers who had surrendered was the result of the actions of the persons responsible for the conditions in the camps.

In 2015, the work by Finnish historian I. Suolahti⁷ was published. It examines the transfer and exchange of Soviet prisoners of war between Finland and Germany during the Continuation War.⁸ In the study, the author also describes the camp management system in Finland.

The aim of this article is to identify the main factors in the mortality rate of Soviet prisoners of war in Finland in the period between 1939 and 1944. For this purpose,

³ D.D. Frolov, *Soviet-Finnish Captivity. 1939–1944. On Both Sides of the Barbed Wire* [in Russian] (St Petersburg: Aleteiya; Helsinki: RME Group Oy, 2009).

⁴ A. Kujala, *Vankisurmat – Neuvostosotavankien laittomat ampumiset jatkosodassa* (Helsinki: Otava, 2008).

⁵ *Prisoners of War Deaths and People Handed Over to Germany and the Soviet Union in 1939–55. A Research Report by the Finnish National Archives*, ed. L. Westerlund (Helsinki: Kansallisarkisto, 2008).

⁶ M. Danielsbacka, “Vankien vartijat. Ihmislajin psykologia, neuvostosotavangit ja Suomi 1941–1944” (Väitöskirja, University of Helsinki, 2013).

⁷ I. Suolahti, *Yhteinen vihollinen, yhteinen etu. Sotavankien luovutukset ja vaihdot Suomen ja Saksan välillä jatkosodan aikana* (Helsinki: Helsingin yliopisto, 2015).

⁸ In Russian historiography, the Soviet-Finnish war of 1941–44 is not singled out into a separate conflict. As a rule, this war is referred to in the literature as the Soviet-Finnish Front of the Great Patriotic War, since Finland acted as an ally of the Axis countries with the goal of annexing from the USSR the territory as far as “the border of the three isthmuses” (the Karelian Isthmus, the Olonets Isthmus and White Karelia). Finnish historiography uses the equivocal terms “the Continuation War” and “the Separate War” to characterize the period between 1941 and 1944. In this work, the author uses the term “Continuation War.”

legal features of Finnish captivity were examined, the issue of the number of Soviet prisoners of war was studied, and literature and sources revealing the conditions of holding prisoners of war in the camps were analyzed.

The main group of sources includes archival documents. Materials from the State Archives of the Russian Federation (GARF) were widely used. The fonds dedicated to the repatriation of Soviet citizens (F-9526) was central to the study. In addition to the main documents concerning the organization of repatriation of prisoners of war and internees from the territory of Finland, it contains information about war crimes against Soviet soldiers who were held in Finnish captivity.

The documents obtained from the database of the National Archives of Finland⁹ constitute the most important part of the work. They contain information about the prisoners of war who died in Finnish territory during the Continuation War between Finland and the Soviet Union in 1941–44 and about the civilians who died in the camps of Eastern Karelia during that period. The Archive's website also contains the list of prisoners of war who died during the Winter War in Finland in 1939–40. The use of Finnish archival materials helped to determine the causes of mortality of prisoners of war during the Winter War of 1939–40 and the Continuation War of 1941–44 and to identify the location and numerical composition of the camps.

Of great importance for this study is *Talvi-, jatko- ja Lapin sodan sotavanki- ja siviilileirit 1939–1944. Käsikirja. The Finnish POW and Internee Camp. Handbook, 1939–1944* edited by L. Westerlund.¹⁰ It contains basic information about prisoner-of-war camps. In addition, the handbook contains an archival index that allows working with the database of the National Archives of Finland more productively.

A separate group of sources includes sources of personal origin. Sh. Yantovskii's memoirs¹¹ are of great importance for understanding the conditions of prisoner-of-war detention in Finnish camps. The memoirs of concentration camp prisoners in occupied Karelia¹² also help to recreate a complete picture of holding Soviet citizens in Finnish camps.

⁹ "Suomi, sotavangit ja ihmislouvutukset," Kronos.narc.fi, accessed June 10, 2023, http://kronos.narc.fi/index_rus.html

¹⁰ L. Westerlund, ed., *Talvi-, jatko- ja Lapin sodan sotavanki- ja siviilileirit 1939–1944. Käsikirja. The Finnish POW and Internee Camp. Handbook, 1939–1944* (Helsinki: Kansallisarkisto, 2008).

¹¹ Sh. Yantovskii, *Camp for Soviet POW Jews in Finland (1942–1944)* [in Russian] (Jerusalem: Makhanaim, 1995).

¹² N.I. Denisevich, *The Finnish Trap: Memories and Reflections of a Former Juvenile Prisoner of a Finnish Concentration Camp* [in Russian] (Minsk: [n.p.], 2011); I.A. Kostin, ed., *Destiny: Collected Memoirs of Former Juvenile Prisoners of Fascist Concentration Camps* [in Russian] (Petrozavodsk: Tipografiya im. P.F. Anokhina, 1999); I.A. Kostin, and K.A. Nyuppieva, comps., *Captured Childhood: Collected Memoirs of Former Juvenile Prisoners* [in Russian] (Petrozavodsk: Folium, 2005).

The issue of the number of Soviet prisoners of war in Finland in the period between 1941 and 1944

In the historiography of the Soviet-Finnish conflict, the issue of the number of prisoners of war and victims in Finnish camps remains controversial to this day. This is largely due to different approaches to counting the dead and is also associated with the search for the true causes of high mortality rate in the period from the end of 1941 to the beginning of 1942. Let us highlight the main controversial issues and determine ways to solve this problem.

According to a study by the Finnish National Archives, between 1939 and 1944, the number of prisoners of war and civilians who died in the camps run by the Finnish military authorities was 23,681; 135 people died During the Winter War (1939–40); 19,085 deaths were associated with the Continuation War (1941–44), and 4,279 of them occurred in the concentration and transit camps of Eastern Karelia (1941–44); 138 people died in the Miehikkälä camp for civilians (1941–44); 44 deaths were associated with the German attempt to capture the island of Suursaari and the Lapland War¹³ in the autumn of 1944.¹⁴

There is still no exact information about the number of Soviet soldiers taken prisoner in Finland. According to some data from Finnish researchers, 65,358 people were captured in 1941 alone, and about 7 thousand more in 1942–44. (i.e. no less than 72 thousand Soviet soldiers).¹⁵ Some scholars assumed that the real number of Soviet prisoners of war during the entire Continuation War was approximately 67 thousand.¹⁶ Of them, about 64 thousand soldiers and officers managed to receive prisoner-of-war cards.¹⁷

According to the report of the Prisoner-of-War Affairs Department of the Finnish Red Cross dated September 4, 1944, the number of Soviet soldiers captured in the

¹³ The Lapland War is the term used in western historiography to refer to the conflict between Germany and Finland in the period between September 15, 1944 and April 27, 1945, since the hostilities took place in the northern Finnish province of Lapland. Russian historiography uses the terms “German-Finnish War of 1944–1945” / “Finnish-German (Lapland) War of 1944–1945” to denote that conflict.

¹⁴ L. Westerlund, “The Mortality Rate of Prisoners of War in Finnish Custody between 1939 and 1944,” in *Prisoners of War Deaths and People Handed Over to Germany and the Soviet Union in 1939–55. A Research Report by the Finnish National Archives*, ed. L. Westerlund (Helsinki: Kansallisarkisto, 2008), 14.

¹⁵ P. Mikkola, “Sotavangin elämä ja kuolema. Jatkosodan neuvostovankien suuren kuolleisuuden syyt” (Suomen ja Skandinavian historian pro gradu-työ, University of Helsinki, 2000), 28–29; Westerlund, “The Mortality Rate,” 25.

¹⁶ Kujala, *Vankisurmat*, 311; Danielsbacka, “Vankien vartijat”, 89; Suolahti, *Yhteinen vihollinen*, 47.

¹⁷ T. Mikkola, “Sotavankikysymys Suomessa vuosina 1941–1944” (Poliittisen historian pro gradu-työ, University of Helsinki, 1976), 183–97.

period between 1941 and 1944 was 68,881 people. However, according to statistics prepared by the Finns for the Allied Control Commission, as of December 31, 1945, 66,324 people were listed as prisoners of war, i.e. 2,557 people less. In 1953, the Main Commandant's Headquarters for Prisoner-of-War Affairs prepared a report in which the total number of Soviet prisoners of war was 64,188 people.¹⁸ These data were probably based on Finnish Red Cross prisoner-of-war cards and correspond to the number of registered Soviet prisoners of war, which means that the Finnish military men probably did not record 3–4.5 thousand Soviet prisoners of war. The difference in numbers can be accounted for by the fact that entries in war diaries may have been inaccurate. In addition, some prisoners of war may have been executed on the spot, escaped, or died from wounds before they were transported to an assembly point or transit camp and given a registration card.¹⁹

The Soviet Union was extremely interested in thoroughly checking the number of captured and dead soldiers. In this regard, the Office of the Commissioner of the Council of People's Commissars for Repatriation Affairs provided information published in the foreign press to the People's Commissariat for Foreign Affairs of the USSR. As a result of checking the materials of the TASS records with Finland in January 1945, 57 thousand Soviet prisoners of war in Finland were identified, of whom 18 thousand died in captivity. The bulk of the information concerned the first half of 1942. In particular, the report to the Deputy People's Commissar for Foreign Affairs of the USSR Comrade Vladimir G. Dekanozov dated January 1945 contained the following information:

1. The Swedish telegraph agency "Stockholm" reported on December 14, 1942 that according to the information from Doctor of Medicine Guido Piderman who inspected prisoner-of-war camps, there were 45 thousand Russian prisoners of war in Finland in October 1942, and 15 thousand people had died in captivity since the beginning of hostilities.

2. On December 10, 1942, the Helsinki correspondent of the *Stockholm Bidningen* newspaper reported that in mid-1942, there were about 56 thousand Russian prisoners of war in Finnish captivity; by that time, 12 thousand people had been listed as those who died in captivity.

3. On December 9, 1942, citing published data from the Finnish Mission in Bern, Stockholm correspondent of the British United Press agency quoted the total number of Russian prisoners of war in Finland, which was 57 thousand people, and 12,000 had died in captivity by that time.

¹⁸ Westerlund, "The Mortality Rate," 26.

¹⁹ O. Manninen, *Molotov's cocktail – Hitler's sateenvarjo. Toisen maailmansodan historian uudelleenkirjoitusta* (Helsinki: Painatuskeskus, 1994), 281–84.

4. On December 5, 1942, citing data from the Finnish Mission in Bern, Bern correspondent of the Associated Press agency indicated that from the beginning of hostilities until July 1942, 12 thousand Russian prisoners of war died in Finland. Citing unspecified authoritative sources, the correspondent further added that from July to December 1942, another 5 thousand people died.²⁰

If we take into account that 42,374 former prisoner-of-war Soviet citizens were taken from Finland to the Soviet Union during the entire period of repatriation, a discrepancy can be seen between the total number of prisoners of war established by various sources and the official number of repatriates from Finland. This discrepancy probably arose as a result of the fact that an unknown number of soldiers were captured by the Finns after the first half of 1942. Based on this, it can be assumed that the total number of Soviet prisoners of war in Finland exceeded 60 thousand people. In this regard, representatives of the USSR in Finland made a demand that the Finnish authorities should provide accurate name lists of prisoners of war, including the data on those who died in captivity.

The dispatch dated April 13, 1945 addressed to the Deputy People's Commissar for Foreign Affairs of the USSR, V. Dekanozov stated that according to the data obtained from the liquidation body of the Headquarters of the Commander for Prisoner-of-War Affairs at the Finnish army, from among the Soviet prisoners of war who were held in different camps in Finland, 18,318 people died between July 1941 and September 1944, including 190 officers.²¹

Thus, it can be concluded that the total number of Soviet prisoners of war in Finland in the period between 1941 and 1944 was approximately 60–70 thousand people. Such a significant difference in numbers can be explained by the methodology of calculation. Since the Soviet Union did not have accurate data of its own, it had to rely on the Finnish sources that contained contradictory information. Another fact that should also be taken into consideration is that not all prisoners of war received registration cards, and therefore information about them was not included in the documents. A solution to the situation could involve joint work of Finnish and Russian researchers aimed at identifying the individuals in this category.

²⁰ “Upravlenie Upolnomochennogo Soveta Ministrov SSSR po delam repatriatsii 1944–1953 gg. Zamestitelyu Narodnogo komissara inostrannykh del SSSR tovarishchu Dekanozovu V.G. yanvar' 1945 g.” [Office of the Commissioner of the Council of Ministers of the USSR for Repatriation Affairs 1944–1953. To the Deputy People's Commissar for Foreign Affairs of the USSR Comrade Vladimir G. Dekanozov. January 1945]. F. R-9526, op. 6, d. 63, l. 71. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation] (GARF), Moscow, Russia.

²¹ “Zamestitelyu Narodnogo komissara inostrannykh del SSSR tovarishchu Dekanozovu V.G. aprel' 1945 g.” [To the Deputy People's Commissar for Foreign Affairs of the USSR Comrade Vladimir G. Dekanozov. April 1945]. F. R-9526, op. 6, d. 63, l. 245. GARF.

Legal problem of captivity

During World War II, the most important international agreements that protected the status of prisoners of war and guaranteed their humane treatment were the Hague Convention of 1907 (Convention (IV) respecting the Laws and Customs of War on Land) and the Geneva Convention of 1929. The first international treaty on the laws of war was signed in Hague in 1899, and its expanded version was approved in 1907. The Geneva Convention of 1929 legally used the term “prisoner of war,” which denoted “all persons belonging to the armed forces of belligerents” and the civilians who were “the inhabitants of a territory which has not been occupied, who, on the approach of the enemy, spontaneously take up arms to resist the invading troops.”²²

Neither the USSR nor Finland ratified those agreements. However, according to international law, a change of government did not release the state from its previous obligations. Moreover, at the beginning of the Great Patriotic War, the Soviet Union stated that it was ready to follow the norms of the Hague Convention of October 18, 1907 (Convention (IV) respecting the Laws and Customs of War on Land), but during the conflict the practice turned out to be different. After the war, Finnish lawyers concluded that the punishments of prisoners of war, which contradicted both the Fourth Hague Convention and the Geneva Convention, were not contrary to international agreements binding on Finland because none of those agreements had been ratified in full by the Soviet Union.²³

At the beginning of the war, instructions to the headquarters of the Finnish Internal Troops indicated that despite the fact that the country was not bound by the Hague Convention of 1907, certain norms must be observed. A number of provisions had to be followed:²⁴

1. Prisoners of war are at the mercy of the Finnish government and not of the individuals or groups who captured them.
2. Prisoners of war must be treated humanely.
3. A prisoner of war must state his name and rank. If he refuses to do so, he may be denied certain benefits.
4. A prisoner of war is allowed to keep his personal belongings.
5. A prisoner of war may be used for work commensurate with his strengths and abilities. Prisoners of war involved in hard work must be provided with food commensurate with the quality of their work.
6. A sick prisoner of war must be given appropriate treatment.

The Hague Convention also obliged Finland to follow the laws and customs of war. The Geneva Convention of 1929 clarified the principles for the treatment of

²² Frolov, *Soviet-Finnish captivity*, 47.

²³ Danielsbacka, “Vankien vartijat,” 72.

²⁴ Danielsbacka, “Vankien vartijat,” 73.

prisoners of war. The first part of the Geneva Agreement concerned prisoners of war, and the second part dealt with the sick and the wounded. The section on prisoners of war sought to guarantee them basic rights, including humane treatment. The articles of the agreement covered all aspects of detention: transportation of prisoners of war, establishment of a camp, housing, and catering. The Convention determined type and conditions of work as well as possible types of punishment for prisoners of war. Retaliation against prisoners of war was prohibited.²⁵

The Geneva Agreement was signed by more than 50 states and was in effect for most participants in World War II, with the exception of the Soviet Union and Japan. The Soviet government did not consider it necessary to sign the 1929 Convention, since it had already acceded to the Hague Convention of 1907 on the laws and customs of war on land, which contained all of the most important provisions.²⁶ The Soviet Union signed only the Geneva Convention for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field dated July 27, 1929. However, the Geneva Convention Relative to the Treatment of Prisoners of War dated July 27, 1929 was never ratified, since the USSR did not agree with the principle of placing prisoners of war in camps according to race and nationality.²⁷ At the same time, on August 8, 1941, the Soviet Union issued a note addressed to the United States and other embassies accredited in Moscow, announcing that it would treat prisoners of war in the spirit of the Geneva Convention.²⁸

Finland signed the 1907 Convention (IV) Respecting the Laws and Customs of War on Land. However, it did not ratify the Geneva Convention Relative to the Treatment of Prisoners of War as of July 27, 1929, since Finnish criminal law partially contradicted the agreement. Section 64 of the Finnish Military Criminal Code provided for the death penalty for a prisoner of war if he committed an act endangering the forces of Finland or its allies or benefited the enemy, which was incompatible with the provisions of this Geneva Convention. Its articles provided that

²⁵ “Geneva Convention on Prisoners of War, 1929”, in *The Laws of Armed Conflicts: A Collection of Conventions, Resolutions and Other Documents*, ed. D. Schindler, and J. Toman (Geneva: Martinus Nijhoff Publishers, 1988), 339–66.

²⁶ O.A. Rzheshhevskii, *War and Diplomacy. Documents, Commentary* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1997).

²⁷ A.L. Kuz'minykh, “Legal Regulation of the Military Captivity Regime in the USSR during World War II: Theory and Practice” [in Russian], *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*, no. 3 (15) (2011): 82.

²⁸ J. Hallikainen, “Toimen menettämisestä raippaa, pilkasta luotiin: neuvostoliittolaisiin sotavankeihin kohdistunut kurinpito ja mielivalta Suomen sotavankimuodostelmissa jatkosodan aikana” (Suomen historian pro gradu-työ, University of Jyväskylä, 2000), 144; I.I. Kotlyarov, “70 Years of the Great Victory: International Legal Assessment of the Military Actions of German Troops during the Great Patriotic War (1941–1945)” [in Russian], *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, no. 5 (2015): 18.

prisoners of war could not be sentenced to punishments other than those related to similar offenses committed by their own military personnel, and that the soldiers captured before defecting to the enemy were subject only to disciplinary sanctions.²⁹

Lieutenant Colonel Armas-Eino Martola, who represented Finland at the 1929 Conference in Geneva, pointed out in his report immediately after the conference that some articles of the agreement did not fully comply with Finnish law. However, he believed that those provisions were not contrary to the spirit of Finnish law and therefore believed that Finland could well sign and then ratify the treaty. In the early 1930s, it was planned to amend the Finnish Criminal Code in order to subsequently ratify the Geneva Convention, but that was never implemented.³⁰

During the Continuation War, Finnish Supreme Court Justice Captain Paavo Kekomäki believed that Finland was not legally bound to comply with the Geneva Convention because neither party to the conflict had formally acceded to it. However, Finnish researchers believe that it was observed properly in the army.³¹ In July 1941, Paavo Kekomäki pointed out that, based on the experience of the Winter War and “the quality of Russian prisoners of war,” the introduction of corporal punishment should only be considered in exceptional cases.³² As a result, it actually became the most widely used form of punishment.

During World War II, the International Committee of the Red Cross (ICRC) acted as a mediator between the warring states. Among other things, it provided information about the wounded and prisoners of war. In addition, the ICRC assisted prisoner-of-war camps in various countries. At the beginning of the Continuation War, it offered to transfer information about prisoners of war to Finland and the Soviet Union, which was agreed upon by both countries. Then information about Soviet prisoners of war began to arrive in Geneva from Finland, but no information was received about Finnish prisoners of war in the Soviet Union. This was partly due to Germany’s refusal to exchange all information with the USSR. The Soviet Union also did not allow the Red Cross observers to visit its prisoner-of-war camps, which was attributed by foreign historiography to Stalin’s fear of espionage.³³

As a result, during World War II, none of the international agreements on the treatment of prisoners of war were officially binding on Finland. Compliance with treaties did not guarantee safety for prisoners of war either, since almost all countries involved in World War II violated the Geneva Convention to some extent. Safe

²⁹ Kujala, *Vankisurmat*, 151–54.

³⁰ Danielsbacka, “Vankien vartijat,” 73.

³¹ Hallikainen, “Toimen menettämisestä raippaa,” 173–82; J. Kujansuu, “Jatkosodan sotavankiorganisaatio,” in *Vihollisen armoilla. Neuvostosotavankien kohtaloita Suomessa 1941–1948*, ed. H. Roiko-Jokela (Jyväskylä: Minerva Kustannus Oy, 2004), 11–26.

³² Kujala, *Vankisurmat*, 151–59.

³³ Danielsbacka, “Vankien vartijat,” 73.

transportation, feeding, and treatment of prisoners of war were almost impossible due to their huge number. Moreover, because of the pronounced ideological context of the conflict, many warring states sought not only to defeat the enemy, but also to transform the defeated society.³⁴

Mortality rate during the Winter War of 1939–1940

Finnish Red Cross prisoner-of-war cards from the Winter War contain information on 5,594 Soviet prisoners of war.³⁵ However, some of the Soviet prisoners of war were not registered and not taken into account in the calculations. According to G. Rosén, Finnish troops captured 5,617 Soviet soldiers during the Winter War.³⁶ The only correct method of calculation, in my opinion, is the calculation based on the card files of Finnish and Russian archives. The mortality rate among recorded Soviet prisoners of war in the Winter War ranged from 2 to 2.5% of their total number.

The Winter War was defensive in nature on the Finnish side, although its tactics were based on encircling the enemy during counterattacks and forming the so-called traps in which individual Soviet units and military units found themselves. The Finnish troops sought to inflict as many losses as possible on the Red Army personnel. Many Soviet soldiers died while surrounded. They had virtually no chance of surviving without food, fuel, ammunition, and organized medical care. Mass surrender of the Red Army soldiers in defensive positions in traps occurred relatively rarely. At the same time, the Finnish units made efforts to ensure that the enemy's breakthrough attempts were not successful. They let hunger and low temperatures do their work, waiting for the right moment to strike. Such tactics yielded a small number of prisoners of war.

Medical care for Soviet prisoners of war during the Winter War was unsatisfactory. In March 1940, Colonel Colonel Maximilian Spåre, inspector of prisoners of war, stated that the prisoner of war camps were generally a long trip away from the railway stations.

As the clothes and footwear of the prisoners of war were poor and the prisoners were weak, they could not generally be marched from the railway station to the camps, particularly during the winter, and they have often been transported by car until now.³⁷

³⁴ S.P. MacKenzie, "The Treatment of Prisoners of War in World War II," *The Journal of Modern History*, vol. 66, no. 3 (1994): 487–520.

³⁵ Westerlund, "The Mortality Rate," 19.

³⁶ G. Rosén, *Sata sodan ja rauhan vuotta. Suomen Punainen Risti 1877–1977* (Helsinki: Suomen Punainen Risti, 2002), 509.

³⁷ Westerlund, "The Mortality Rate," 24.

Treatment in prisoner-of-war camps did not meet the most basic requirements. One ward intended for 10–12 beds could contain up to 30 patients with different diagnoses. The condition of the seriously wounded and frostbitten who were beyond help left a particularly depressing impression. The municipal doctor visited the hospital barracks only once a week or on call. The only nurse complained about the lack of even the most basic equipment and bandages.³⁸

Mortality rate between 1941 and 1944

In order to comprehensively study the mortality rate of Soviet prisoners of war during the Continuation War, Finnish researchers systematized statistical data on the dead by place of detention, namely:

1. Organizational camps for prisoners of war. There were four such camps in total: no. 1 in Naarajärvi, no. 2 in Nastola, no. 6 in Viipuri, and no. 9 in Ajos, Kemi. These camps probably held a total of about 15,000 prisoners of war. From 800 to 2,800 prisoners of war died in each of them.

2. Medium prisoner-of-war camps, which housed about 9 thousand prisoners of war. Mortality rate in the camps of this type ranged from 90 to 330 people.

3. Small camps that held no more than 10 thousand prisoners of war. The mortality rate in those camps did not exceed 60 people.³⁹

4. Military and field hospitals. A total of six military hospitals were established to provide medical care to prisoners of war. These hospitals had 5,124 beds,⁴⁰ although one source indicates that they had more than 6 thousand beds.⁴¹ Mortality rate is not specified.

5. Prisoner-of-war working companies. Due to the necessity to use prisoners of war as labor force in areas where hostilities were taking place, prisoner-of-war working companies were formed, each having approximately 200 people. These formations were mainly used for forestry and road work. Their commanders were usually Finnish engineers, masters, and foremen. According to various estimates, there were about 8,000 prisoners of war there,⁴² of whom 945 people died.

The causes of death enumerated in the files with the data on dead Soviet prisoners of war in the research project of the Finnish National Archives were divided by the Finnish experts into the following groups:

1. Infectious intestinal diseases (23.5%): diarrhea, dysentery, etc.
2. Infectious diseases of the respiratory system (11.5%): tuberculosis, pneumonia, etc.

³⁸ Westerlund, "The Mortality Rate," 25.

³⁹ Westerlund, "The Mortality Rate," 26–30.

⁴⁰ Westerlund, "The Mortality Rate," 27.

⁴¹ T. Mikkola, "Sotavankikysymys Suomessa," 91.

⁴² P. Mikkola, "Sotavangin elämä ja kuolema," 44.

3. Other infectious diseases (18.6%): blood poisoning, spotted fever, etc.
4. Other illnesses (14.3%): cardiovascular diseases, kidney diseases, anemia, gangrene, etc.
5. Symptoms, conditions, and less precisely determined causes of death (29.2%): hunger, weakness, etc.
6. Violent deaths and events (10%): shot, died from wounds, froze, etc.
7. Cases where information is missing (7.3%).⁴³

Research by modern Finnish historians allows us to examine in more detail the problem of hunger among Soviet prisoners of war. N. Denisevich, a prisoner of war in concentration camps in Eastern Karelia, indicated in his memoirs that in January 1942 three categories of food standards for prisoners of war were introduced: A, B, and C.

The “A” [norm] for the disabled, which was given from August to October 1942, contained from 1500 to 2000 k/calories. The “B” norm for workers in the autumn of 1941 was approximately 2145 k/calories, and later became 2500 k/calories. The “C” norm for those employed in especially difficult work and for the sick included 2800 k/calories.⁴⁴

The provision of food for Soviet prisoners of war was largely determined by the state of the Finnish economy. During World War II, the country implemented the German model of food regulation, in which almost all staple foods were rationed and civilian food rations were determined depending on a number of factors: age and state of health of a person, pregnancy for women, etc.⁴⁵

Regulation of food supply began in Finland even before the outbreak of the Winter War, in October 1939. At that time, the consumption of sugar and coffee was limited, but after the crop failures of 1940 and 1941 restrictions were extended to a number of staple foods. In the spring of 1941, the supply of almost all food products, except potatoes, was rationed. Circulation of potatoes and root crops was controlled by the state.⁴⁶ The 1941 harvest was poor due to the loss of crop land, drought, and partial labor shortages. Since most of Finland’s wartime food imports came from Germany, food situation in the latter also had a major impact on the country’s food supply.⁴⁷

⁴³ Westerlund, “The Mortality Rate,” 32.

⁴⁴ Denisevich, *The Finnish Trap*, 70.

⁴⁵ E.M. Collingham, *The Taste of War. World War Two and the Battle for Food* (London: Penguin Books, 2011), 4–5, 361–63; K. Rautavirta, *Petusta pitsaan. Ruokahuollon järjestelyt kriisiaikojen Suomessa* (Helsinki: Yliopistopaino, 2010), 152–58.

⁴⁶ Mikkola, “Sotavangin elämä ja kuolema,” 54.

⁴⁷ Mikkola, “Sotavankikysymys Suomessa,” 75–76.

As well as in Germany, Finland suffered from the greatest food shortages in the winter of 1941–42. In Finland, the situation was further aggravated by the fact that an exceptionally harsh winter caused difficult ice conditions in the Baltic Sea, which almost completely stopped imports from Germany during the winter. Naturally, the general food situation in Finland affected both the nutrition of prisoners of war and the increase in their mortality rate from hunger and related causes. In the spring of 1942, there were reports from working companies that the energy value of the prisoner-of-war food rations was lower than the established standard by about 300 kilocalories due to the lack of milk, sausage, margarine, cheese, salted fish, and potatoes.⁴⁸

Researchers attempted to explain the mortality of prisoners of war only by the consequences of food shortages.⁴⁹ However, if this had been the main reason for the deaths of more than 30% of the prisoners of war, the Finnish civilians who lived in the cities would also have suffered from malnutrition.⁵⁰ In its 1946 report *Food, Famine and Relief. 1940–1946*, the League of Nations noted that the situation with the food supply of the Finnish population in the years under consideration did not deteriorate critically.⁵¹ Thus, the regulated distribution of food during the war may have been deliberately underestimated in relation to prisoners of war.

A study by the National Archives of Finland indicates the causes of death of about 17.5 thousand prisoners of war. This information is based on the Finnish Red Cross prisoner-of-war cards; therefore, from the medical point of view, the cause of death was determined quite accurately. According to these data, about 6.5 thousand people died from hunger and about 5 thousand died from intestinal infections. In addition, about 2.5 thousand prisoners died from lung diseases, and more than a thousand died from heart diseases. Finnish doctors identified infectious diseases as a cause of death less frequently. The study also indicated that about 2.3 thousand prisoners of war died violently or accidentally.⁵² Thus, based on the above data, it can be argued that hunger was the main factor in mortality among Soviet prisoners of war.⁵³

During the Continuation War, the Finnish Defense Forces provided food for prisoners of war who were held in camps or other formations under the army corps or

⁴⁸ Danielsbacka, “Vankien vartijat,” 98.

⁴⁹ Manninen, *Molotov cocktail*.

⁵⁰ Rautavirta, *Petusta pitsaan*, 159–61.

⁵¹ *Food, Famine and Relief. 1940–1946* (Geneva: League of Nations, 1946), 4–5, accessed June 21, 2023, <https://archive.org/details/foodfamineandrelo31890mbp/page/n1/mode/2up>

⁵² Danielsbacka, “Vankien vartijat,” 99–100.

⁵³ Mikkola, “Sotavankikysymys Suomessa,” 235–44; Mikkola, “Sotavangin elämä ja kuolema,” 172–78; Westerlund, *Sotavankien ja siviili-internoitujen sodanaikainen kuolleisuus Suomessa. Muonahuolto, tautisuus ja Punaisen Ristin toimettomuus 1939–44* (Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2009), 175, 328–33.

the Internal Troops Headquarters. In some cases, the responsibility of feeding the prisoners of war they received was assigned to private employers, and they had to comply with the standards for prisoners of war established by the Ministry of Public Supply. During the Continuation War, Colonel, then Major General Verner Gustafsson (1890–1959)⁵⁴ was responsible for feeding prisoners of war.

At the beginning of July 1941, main Headquarters of the Commander-in-Chief C.G.E. Mannerheim established a basic ration of 1,508 kilocalories for prisoners of war. The ration of working prisoners was 2143 kcal. The main foodstuffs were bread, flour, cereals, and potatoes. In addition, the ration included small quantities of milk, meat, margarine, and sugar, as well as spices and tea.⁵⁵

According to modern data, a moderately active young person of normal build needs from 2800 to 3000 kcal per day. The minimum safe amount of energy is 1200 kcal per day for women and 1500 kcal for men. Moreover, the recommendations for the lowest dose are tentative because individual energy needs are closely related to gender, body type, age, and physical activity.

The caloric content of the rations of Soviet prisoners of war during the Winter War was about 2500 kcal.⁵⁶ The Geneva Convention of 1929 required that food for prisoners of war be at the same level as that for enemy soldiers. Two supply principles were universally applied to the treatment of prisoners of war in Finnish camps: (1) prisoners of war were placed at the end of the line when food was distributed; (2) the food of prisoners of war was linked to their work so that working prisoners received more food.

Interdepartmental disagreements about increasing food standards for prisoners of war began in the autumn of 1941. At the end of July 1941, the Finnish command drew attention to the problem of two food standards, since in practice it was extremely difficult to ensure their compliance. As a solution, it was proposed to establish the norm of 1508 kcal from the beginning of August and provide additional food only to prisoners of war who distinguished themselves at work. However, from the beginning of August, a ration of 2143 kcal was additionally extended to prisoners who were at work part of the day as well as to officers and non-commissioned officers.⁵⁷

In addition to the two established rations, a food standard was introduced for prisoners of war who were transferred to private entrepreneurs. Prisoners of war began to be used for work on private farms since July 1941. In August, private individuals were given the right to use the labor of prisoners of war not only for agricultural work. At the beginning of September 1941, the Ministry of Public Supply

⁵⁴ Danielsbacka, "Vankien vartijat," 102.

⁵⁵ Mikkola, "Sotavangin elämä ja kuolema," 55–56; Danielsbacka, "Vankien vartijat," 103.

⁵⁶ Mikkola, "Sotavangin elämä ja kuolema," 56.

⁵⁷ Danielsbacka, "Vankien vartijat," 107.

of Finland set a ration of 2697 kcal for them. In September 1941, the Main Headquarters increased the food standard for working prisoners of war to 2298 kcal. Alarming news began to come from the Finnish camps in November 1941. Reports of “strange diseases” of prisoners of war came from the camp near Riihimäki: part of the body swelled so much that the person became unable to work. Medical inspector of the prisoner-of-war camps Salo stated that the food rations for the working prisoners of war were too low. Complaints about insufficient supplies came from prisoner-of-war camps no. 9, no. 11, no. 19, no. 8, no. 2, and no. 7; hunger and even starvation deaths were reported. Doctors considered the diet too meager for prisoners of war involved in work and proposed increasing their ration to 3000 kcal. As of mid-November, there were almost 3,300 weakened and sick prisoners of war in the camps, excluding more than 4,000 prisoners in hospitals.⁵⁸ At that moment it seemed obvious that rations would have to be increased if prisoners of war were used for work. In his report on the results of the inspection, the chief curator of the Ministry of Public Supply of Finland V. Gustafsson proposed leaving the following supply standards for prisoners of war: basic (2038 kcal) and for workers (2538 kcal).

The testimonies of Soviet prisoners of war who were repatriated to their homeland after the end of the war also contain information about malnutrition and hunger in the Finnish camps in the period between 1941 and 1942. For instance, there were 200–205 prisoners of war in camp no. 91 near Kholosino. According to eyewitness accounts, 4–5 people died daily from exhaustion and beatings in this camp from September 1941 to September 1942.⁵⁹ In camp no. 1, 120 people had died of starvation by April 1942, and 70% of captured officers were exhausted.⁶⁰

Mortality rate in the camps had increased sharply by the winter of 1941. A total of about 500 prisoners of war died from July to October 1941, at least 600 died in November, and the mortality rate among prisoners of war more than doubled in December.⁶¹

The Internal Troops Headquarters pointed out that the indiscipline of prisoners and their escapes occurred due to the uneven distribution of food. Finnish researcher A. Kujala believes that

if the prisoners of war had received enough food during the first 14 months of the war, the main cause of riots and escapes would have been eliminated.⁶²

⁵⁸ Danielsbacka, “Vankien vartijat,” 108–10.

⁵⁹ “Pokazaniya byvshikh voennoplennykh o proizvole finskikh vlastei nad sovetskimi voennoplennymi” [Testimony of former prisoners of war about the arbitrary treatment of Soviet prisoners of war by the Finnish authorities]. F. R-9526, op. 1, d. 4, l. 107. GARF.

⁶⁰ *Ibid.*, l. 131.

⁶¹ Danielsbacka, “Vankien vartijat,” 119.

⁶² Kujala, “Vankisurmat,” 261.

Thus, according to the scholar, poor management affected the discipline in the camps as well.

There was always shortage of food, and what was provided was often of poor quality and unsuitable for eating. In September 1941, Colonel V. Gustafsson instructed those responsible for the care of prisoners of war

to ensure that all the waste that is no longer fit for use in military food but can still be used for human consumption is accounted for in the food for prisoners.⁶³

Food could be used by the camp administration as a measure of reward or punishment. In the rules for prisoners of war, this provision was stated in the following formula: the labor of hardworking prisoners was rewarded by reducing the rations of the “lazy” ones. Thus, non-working prisoners often received the smallest food ration, and weakness from hunger was interpreted as laziness and led to an even greater reduction in their ration.

Political decision makers took notice of the prisoner-of-war food situation in early 1942, partly due to leakage to the foreign press.⁶⁴ According to Major General V. Gustafsson, the increased ration was approved because prisoners of war were being used for such hard work that the previous portions were not enough. In fact, prisoners were used for hard work from the beginning of the war. Before approval of the new ration, the head physician’s opinion and the approval of the Ministry of Public Supply were required.⁶⁵ The caloric content of servings was reduced to 1889 kcal (basic) and 2389 kcal (for workers), but at the same time a ration of 2800 kcal was established for the prisoners of war who were used in hard work. The basic ration was still to be received by the prisoners of war who did not work outside the camp; the working ration, by those who were engaged in manual labor; the third type ration, by those engaged in hard work and also the sick and convalescing.

New supply standards came into force on January 25, 1942. However, mortality rate continued to rise, and in early March the third type ration was allowed to be used to feed weakened and sick prisoners of war in temporary hospitals in compliance with a doctor’s opinion. These standards remained in place until June 5, 1943, when the basic ration was completely abolished.⁶⁶ However, the camp prisoners practically did not notice the changes. Former prisoner N. Denisevich recalled:

⁶³ Danielsbacka, “Vankien vartijat,” 122.

⁶⁴ “Zamestitelyu Narodnogo komissara inostrannykh del SSSR tovarishchu Dekanozovu V.G. yanvar' 1945 g.” [To the Deputy People’s Commissar for Foreign Affairs of the USSR Comrade Vladimir G. Dekanozov. January 1945]. F. R-9526, op. 6, d. 63, l. 71. GARF.

⁶⁵ Danielsbacka, “Vankien vartijat,” 123.

⁶⁶ Danielsbacka, “Vankien vartijat,” 124.

Yes, on paper such standards may have existed, but in reality the caloric content of the prisoners' daily diet did not reach even half of what was declared in these "standards." In most published memoirs of former concentration camp prisoners, the daily ration in the best times ranged from 150 to 200 grams of hardtack or 200–300 grams of bread, or a glass of flour plus 150–200 grams of vegetables. Occasionally they gave out 50 g of blood sausage. In the initial period of the existence of the camps, the food ration was even more meager and amounted to 100–150 grams of hardtack.⁶⁷

The collected memoirs of Sh. Yantovskii contain the following information about food in prisoner-of-war camps in the winter of 1941–42:

The diet was as follows: there was tea with two lumps of sugar and a serving of 200–250 grams of bread in the morning and about one liter of flour gruel (skilly) dressed with margarine in the evening.⁶⁸

The situation was also aggravated by unclear responsibilities for the treatment of prisoners of war. The Internal Troops Headquarters were in charge of the prisoner-of-war camps in Finland. The issues of caring for prisoners of war were assigned to the Main Headquarters of the Commander-in-Chief C.G.E. Mannerheim, the Ministry of Public Supply, and the Ministry of Transport and Public Works.

However, hunger was the main but not the only reason for the high mortality rate of prisoners in the Finnish camps. Another important factor was backbreaking toil of prisoners of war. During the Continuation War, prisoner labor was administered by the Defense Forces and was used to establish, rebuild, and maintain camps, as well as for various civilian works. The headquarters' instructions on the use of labor of prisoners of war in June 1941 stated that prisoners of war should and could be involved in the works that corresponded to their strengths and abilities. The Ministry of Transport and Public Works decided on the order of civilian work priorities for prisoners of war. At the beginning of the Continuation War, Finland began to use the labor of prisoners of war, organizing proper security and isolating them from civilians. Number one priority was loading and unloading work, then went logging, and the third place was taken by agricultural work and work that required prisoners with special skills. By autumn, the order of priorities had been changed, with more attention being paid to agricultural work.⁶⁹ At the beginning of October 1941, out of the more than 27 thousand who worked in Finnish prisoner-of-war camps, almost half

⁶⁷ Denisevich, *The Finnish Trap*, 70–71.

⁶⁸ Yantovskii, *Camp for Soviet POW Jews in Finland*, 141.

⁶⁹ J. Kauhanen, *Kohtaamispaikkana Pelso. Pakosta, tarpeesta ja halusta valloittamassa ja hyödyntämässä suota 1857–1990* (Joensuu: Joensuun yliopistopaino, 2005), 255.

(12.4 thousand) worked in agriculture.⁷⁰ According to the testimony of Soviet prisoners of war of camp no. 1 Peipohja, during agricultural work they were “harnessed” to a Finnish plough in groups of 20 and ploughed the field. They ploughed from August to October 1941 on marshy ground with cold water underfoot.⁷¹

At the end of the harvest season of the autumn of 1941, the labor force of prisoners of war was redirected to other sectors of the country’s economy: logging, peatery, and road construction. At the beginning of December 1941, only about 8% (2.5 thousand prisoners) were engaged in agricultural work; about 17% (5 thousand prisoners), in private and public sectors; the majority, in road construction. 8.5 thousand prisoners of war (about 28%) worked for the Internal Troops Headquarters. 2.9 thousand prisoners of war (10%) worked in logging.⁷² In general, it can be concluded that the use of prisoners’ of war labor in Finland was largely determined by labor necessity, time of year, and place. Logging predominated in northern Finland, and agriculture in the south.

Low performance of prisoners of war in the winter of 1941–42 was mainly associated with malnutrition. By the end of the war, it became obvious that prisoners of war in good physical condition who received sufficient food worked significantly better. The prisoners’ labor became more productive at the turn of 1942–43, especially in agriculture. In 1944, the labor force of prisoners of war was actively used in almost all spheres of industry in Finland.

Thus, the total number of Soviet prisoners of war in Finland in the period between 1941 and 1944 was approximately 60 to 70 thousand people. According to various estimates, about 19 thousand of them were listed as dead. Such a significant difference in the number of prisoners of war is largely explained by the calculation method. Since the Soviet Union did not have accurate evidence, they had to rely on Finnish sources, which could contain contradictory information.

War crimes against Soviet prisoners of war in the camps of Finland

Another reason for high mortality rate among prisoners of war in Finland consisted in war crimes: murder, abuse, cases of inappropriate cruelty. According to Finnish researchers, the course of the war between Germany and the Soviet Union and the role of Finland in it had a decisive influence on the attitude towards prisoners of war.⁷³ According to A. Kujala, most of the cases of murders of prisoners of war that

⁷⁰ Danielsbacka, “Vankien vartijat,” 132.

⁷¹ “Zverstva v lagere № 1” [Atrocities in camp no. 1]. F. R-9526, op. 1, d. 4, l. 131. GARF.

⁷² Danielsbacka, “Vankien vartijat,” 132.

⁷³ A. Kujala, “The Unlawful Killings of POWs during the Continuation War, 1941–1944,” *Prisoners of War Deaths and People Handed Over to Germany and the Soviet Union in 1939–55. A*

reached the Supreme Court were started for the facts of the crimes committed in 1941 and early 1942, when the Finnish side had confidence in Germany's victory.

In the autumn of 1944, the Allied Control Commission during its mission together with the representatives of the Commissioner of the Council of People's Commissars of the USSR for Repatriation Affairs visited Finnish prisoner-of-war camps, where they recorded reports of possible crimes and abuse by the camp administration. For instance, on October 15, 1944, a group of liberated Komsomol members (Sokolov, Levyanen, Loginov, Robachev, Belyaev, Finberg) wrote the following statement, which they asked to be published in one of the central newspapers:

We, young citizens of the Soviet Union who languished in fascist prisons for a long time, express our deep gratitude to the Soviet Government and our people for the fact that the happy people and the Government of our Motherland did not leave their people to rot in Finnish prisons, but took them back to their land. We are endlessly thankful to the people and the invincible Red Army and personally our mutual friend Comrade Stalin for our liberation. Living in prison for years, we endured the abuse and torture that our enemies subjected us to. We were beaten, tortured, and starved, but the spirit of Soviet citizens strengthened in us even more powerfully, and for us this struggle became a political school in which fascism showed once again that the whole truth for which our people are fighting is with us. As for them, they were barbarians in our century and still remain beasts for all progressive humanity.

None of us will forget brutal attitude in the Kinnisvara prison and camp, where there was hardly a single day when someone was not beaten by the guards who no longer had human feelings. Until the end of our lives we will remember the fascist dogs: Rihivara, Koval, and Rorojärvi, who were in Kinnisvara and killed many of our good comrades. That spring morning when they, 6 drunken people, shot partisan Gagarin will not be ever smoothed over. Many typical examples can be given about the fascist barbarians who took thousands of lives of our people. These atrocities aroused our hatred of the fascist bloodsuckers even more, since we were young in years. These events in our lives will be remembered as a nightmare, which arouses in us anger and contempt for this beasts and revenge for their brutal attitude and for the blood of our dead friends.

We are ready to once again go for the Motherland anywhere the Government and the Communist Party with its leader, the Grand Marshal Comrade Stalin, will send us. Long live our Motherland, the Soviet Union, which freed us from the yoke of fascist executioners!⁷⁴

Research Report by the Finnish National Archives, ed. L. Westerlund (Helsinki: Kansallisarkisto, 2008), 89.

⁷⁴ “Zametka v gazetu ot gruppy osvobodzhennykh komsomol'tsev (Kopiya)” [Newspaper item written by a group of liberated Komsomol members (a copy)]. F. R-9526, op. 1, d. 189, l. 302. GARF.

It can be assumed that such materials were created with the aim of putting pressure on the Finnish authorities and speeding up the process of repatriation. The Armistice of September 1944 required Finland to condemn its citizens who had committed war crimes. The Soviet Union allowed Finnish civilian courts and military tribunals to sentence war criminals in accordance with the country's national legislation. According to y A. Kujala, 56 cases of murders of prisoners of war during military operations at the front during the Continuation War reached the Supreme Court in 1945–49. Of them, the Supreme Court convicted a total of 35 people in 33 cases. In 23 cases no one was convicted.⁷⁵

The Allied Control Commission described in detail meetings with prisoners of war and recorded cases of crimes by Finnish military personnel. As surveys and conversations with prisoners of war showed, the Finnish command abused and deliberately exterminated prisoners of war, especially representatives of the command staff. The Finnish military personnel systematically beat prisoners of war, deliberately exhausted them, drove them to suicide through provocations, practiced obtaining false testimony under torture, doctors in hospitals killed wounded prisoners of war by injection, harnessed officers to ploughs and harrows and ploughed on them, stripped them and beat them with sticks for poor work. All facts indicated in the reports of prisoners of war require careful verification. However, some of them are of particular interest:

1. According to Finnish data, 123 people died in camp no. 1, of which only 8 were Red Army soldiers, the rest were officers. According to the testimony of prisoners of war, the majority was shot or died of starvation, although the Finns wrote in the lists they submitted “died of pneumonia,” “influenza,” etc.

2. According to the testimony of prisoners of war, camp command encouraged the actions of their personnel. For example, in camp no. 1, the commandant, captain of the Finnish army Mustanen, awarded the corporal who shot captured lieutenant Leshchev for attempting to steal one buckle with 10 days of leave, and the Finnish guards said, “To get a leave, you need to kill a Russian prisoner.” According to the conclusion of the Allied Control Commission, the registration of prisoners of war in the camps was done poorly, which was done deliberately in order to avoid responsibility for the extermination of prisoners of war.

3. In prisoner-of-war camp no. 9563, 25 km from Juntusranta, in 1941–42 there was a group execution by shooting (a single instance; the exact date is not specified. – A. Kh.) of 14 Russian prisoners of war with the noses, ears, and lips preliminary cut off by the camp guard, soldier Turunin.

4. According to the statement of prisoner of war Nikolai I. Ivanov, due to the fault of the command of the 2nd transit camp in Naarajärvi, up to 70 prisoners of war died a

⁷⁵ Kujala, “The Unlawful Killings of POWs,” 86.

daily from abuse, beatings, and poor nutrition in October 1941. For moving from barrack to barrack, the guards shot prisoners of war.

5. According to the statement of prisoner of war Fedor I. Arzhevitin, in August and September 1942, during logging work, prisoners of war of the Kem transit camp were systematically beaten. In 1.5 months, 18 Red Army prisoners of war died. The culprits were the command and security of the camp.

6. According to the statement of prisoner of war Alexander I. Golovanov, in camp no. 19 (Oulu) and in camp no. 14 (Sortavala), Corporal Alassari shot several prisoners of war and buried others alive in the snow in December 1941 and in January 1942. Corporal Kujka beat prisoners of war, as a result of which prisoner of war F. Shabanov died. The same Kujka shot and killed prisoner of war Boris Tsirulnik in January 1942 because he could not work due to exhaustion.

7. According to the statement of prisoner of war Alexey P. Kabanov, in camp no. 3, several prisoners of war were wounded by gun fire for going to the lavatory in groups in November 1942.

8. According to prisoner of war Alexander M. Lipovich, during his stay in camp no. 2 (Naarajarvi) from July 1941 to December 1944, 8,000 (the indicated data require additional verification. – *A. Kh.*). Soviet prisoners of war died in front of him from beatings, hunger, cold, and lice. In camp No. 3 “Ronki,” the camp guards seriously wounded 6 Red Army prisoners of war with rifle fire.⁷⁶

9. The permanent staff of camp no. 91 near Kholosino amounted to 200–205 people. Jews, communists, and Soviet workers were especially abused. Jews were put in a bag and doused with icy water, their beards were glued with wood glue, and they were dressed in colorful clothes.⁷⁷

10. In the dispatch dated December 31, 1944 addressed to the Deputy Commissioner of the Council of People’s Commissars of the USSR for the Repatriation of USSR Citizens Lieutenant General Golubev, it was stated that according to intelligence data, Russian paratroopers were usually executed in a cemetery in Kouvola, Finland. Before the detainees were sent to the place of execution, they were forced to change into Finnish soldier’s uniform. The transfer of the prisoners sentenced to death from the barracks to the cemetery was carried out in

⁷⁶ “Donesenie № 1 Nachal'niku Upravleniya kadrov GLAVPURKKA general-leitenantu tov. Pupyshovu” [Dispatch no. 1 to the Head of the Personnel Office of the Main Political Directorate of the Workers’ and Peasants’ Army Lieutenant General Comrade Pupyshov]. F. R-9526, op. 6, d. 10, ll. 71–73. GARF.

⁷⁷ “Pokazaniya byvshikh voennoplennykh o proizvole finskikh vlastei nad sovetskimi voennoplennymi” [Testimony of former prisoners of war about the arbitrary treatment of Soviet prisoners of war by the Finnish authorities]. F. R-9526, op. 1, d. 4, l. 107. GARF.

a car, the driver of which was Eino Ruensen, a native of the village of Anttila, Valkaela parish.⁷⁸

11. Salonen, head of camp no. 1 Peipohja (June 1941 – April 1942) declared, “You are a Bolshevik infection, and we have been ordered to destroy you.” We were beaten and starved to death. They harnessed 20 people to a Finnish plough and ploughed the field. They ploughed from August to October 1941 on marshy ground with cold water underfoot. They didn’t change our linen for 8 months.”⁷⁹

During repatriation, representatives of the USSR collected all possible information about abuse and crimes against Soviet prisoners of war. The following groups of war crimes can be singled out:

A. Murders and executions of prisoners of war:

1. In prisoner of war camp no. 14 in Sortavala, Corporal Alassari shot two prisoners of war near a barrel of food waste and bayoneted them, already dead, in December 1941.

2. In 1943, 4 people escaped from prisoner-of-war camp no. 14 in Sortavala, but in 2 days they were all caught by the camp guards and shot, and their corpses were left at the entrance gate to the camp as intimidation.

3. According to the statement of prisoner of war Alexander A. Bushmarinov, the head of camp no. 6 killed prisoner of war Kirill Antonov in September 1943.

4. According to the statement of prisoner of war Ivan R. Ozerov, the head of camp no. 74 in Medvezhyegorsk beat prisoners of war with a gun and shot prisoner of war Alexey Bryakov in September 1943.

5. According to the statement of prisoner of war A.G. Bichkin, prisoner of war Fedor Lekhmus killed hungry prisoners in the Kemijärvi camp in November–December 1941. Later he voluntarily joined the Finnish army.

6. According to the statement of prisoner of war Leonid F. Maksikov, in the subcamp of camp no. 19, the town of Lapinniemi, Muhos Station, Oulu, several prisoners of war were killed in December 1941 for escaping from the camp. For instance, prisoner of war Tikhonov was killed.⁸⁰

⁷⁸ “Zam. Upolnomochennogo SNK SSSR po delam repatriatsii grazhdan SSSR general-leitenantu tov. Golubevu” [To the Deputy Commissioner of the Council of People’s Commissars of the USSR for the repatriation of citizens of the USSR Lieutenant General Comrade Golubev]. F. R-9526, op. 6, d. 63, l. 15. GARF.

⁷⁹ “Zverstva v lagere № 1 Peipokhiya” [Atrocities in camp no. 1. Peipohja]. F. R-9526, op. 1, d. 4, l. 131. GARF.

⁸⁰ “Donesenie № 2 Nachal'niku Upravleniya kadrov GLAVPURKKA general-leitenantu tov. Pupyshvu” [Dispatch no. 2 to the Head of the Personnel Office of the Main Political Directorate of the Workers’ and Peasants’ Army Lieutenant General Comrade Pupyshv]. F. R-9526, op. 6, d. 10, l. 73. GARF.

7. In camp no. 3, 4 people were shot while trying to escape on June 9, 1943.⁸¹

B. Abuse and corporal punishment:

1. In camp no. 19, Oulu, one junior sergeant from among the guards burst into the barracks of sleeping prisoners of war at night, set a dog on them, and beat everyone with a stick in June 1942.

2. On August 15, 1942, at the second transit station, 25 km from Naarajarvi, a foreman and a guard beat prisoner of war Sergei F. Bistrov with a stick with the participation of the transfer point foreman Azimov (a Russian who accepted Finnish citizenship) at a peat bog.

3. According to the statement of prisoner of war Leonid F. Maksikov, in the subcamp of camp no. 19, the town of Lapinniemi town, Muhos Station, Oulu, both the guards and the heads of the department abused prisoners of war: beat them, drove them out into the cold at – 30 degrees, fed them poorly. For picking up discarded bones, prisoner of war Smirnov was shot by the guards.

4. According to the statement of prisoner of war Nikolai I. Gruzdev, prisoners of war from camp no. 16 in Kokkola were sent to forestry work 90 km from the city on September 10, 1944. While working, prisoners of war were beaten and given no bread or sugar.

C. Cruelty of camp administration:

1. In prisoner-of-war camp no. 9563, 25 km from Juntusranta, guards Bakhmanov and Chanin burned two prisoners of war in a stone stove in 1941–42.

2. According to the statement of prisoner of war Vasily A. Mironov, in camp no. 3, the camp command abused prisoners of war and deprived them of rations. The guards often fired at the barracks. On July 29, 1943, 6 people were wounded by rifle fire from the sentry tower. The sentry's actions were approved.

3. According to the statement of prisoner of war Ananii G. Grigoriev, in the prisoner-of-war camp in the city of Vaaza, in 1942, the prisoners were fed poorly; the sick were not sent to hospitals but they were sent to do all the work and in cases of delays, they were shot by the guards. Beatings were systematic.

4. Public beatings in camp no. 91 near Kholosino / Juntusranta. The prisoners of war were lined up outdoors in two rows of 100 people and the “guilty” were passed through the line and beaten with belts. There were cases when people were hung upside down in hot steam in the bathhouse.⁸²

5. About the atrocities in camp no. 32:

– Head of the camp Karl Koivisto took prisoners' food and sent the sick to work (13 people died).

⁸¹ “O zverstvakh v lagere № 3” [About the atrocities in camp no. 3]. F. R-9526, op. 1, d. 4, l. 128. GARF.

⁸² “O zverstvakh v lagere № 91 v raione Kholosino (Yultusranta)” [About the atrocities in camp no. 91 near Kholosino (Juntusranta)]. F. R-9526, op. 1, d. 4, l. 127. GARF.

- Camp translator Aleksei Oleshin took revenge on the Bolsheviks.
- Another commander of this camp, Rahmosa, systematically beat prisoners of war, took 30 people out of the camp area and beat them with a rubber stick.⁸³

Even after the truce, the attitude towards prisoners of war did not change in some camps. For example, 6 prisoners of war worked for Baron Ramsau. They were supposed to go home on October 24, and on October 23 they did not go to work as they were preparing to leave. Captain Ramsau, the son of Baron Ramsau, called the guards and ordered to kill one prisoner of war, and the corporal shot at prisoner Huss and seriously wounded him.⁸⁴ In the Nogoia forest camp, all prisoners of war were beaten on the day they were sent to assembly points. The barracks in which the prisoners were held were fired at with machine guns. This material was transferred to the Allied Control Commission for taking the stringent measures. It is known that the Allied Control Commission demanded the arrest of Captain Ramsau, the corporal who shot, and all persons specific guilty of other facts of abuse.

The prisoners were very angry with the foremen from among the prisoners of war. There are many facts of their beating and even murder. As a result, foremen were kept in separate barracks and sent in special carriages.

At the request of the Allied Control Commission, many Finnish soldiers were arrested for the torture and extermination of Soviet prisoners of war. The Supreme Court of Finland considered a total of 148 cases of war crimes against prisoners of war in 1945–49. It is important to note that not all cases ended in convictions, and some criminals were convicted only for causing bodily harm to prisoners of war. Manslaughter became the most common article under which former Finnish military personnel was prosecuted. Manslaughter also included facts of incitement to commit manslaughter and complicity in it, murder at the request of the victim, causing death by negligence, and assault without intent to kill. If a soldier shot the body of an already dead prisoner of war, he was condemned for behavior inappropriate for a soldier.⁸⁵

As it can be seen from the above facts, the killings of prisoners of war mostly took place in the first two years of the war, when there was confidence in Germany's victory. Revenge, hatred of the Soviet Union, and personal reasons played an important role in the commission of crimes in prisoner-of-war camps. In combat conditions, the majority of ordinary soldiers considered it dishonorable to shoot the

⁸³ “O zverstvakh v lagere № 32” [About the atrocities in camp no. 32]. F. R-9526, op. 1, d. 4, l. 129. GARF.

⁸⁴ “Donesenie № 2 Nachal'niku Upravleniya kadrov GLAVPURKKA general-leitenantu tov. Pupyshovu” [Dispatch no. 2 to the Head of the Personnel Office of the Main Political Directorate of the Workers' and Peasants' Army Lieutenant General Comrade Pupyshov]. F. R-9526, op. 6, d. 10, ll. 73–74. GARF.

⁸⁵ Kujala, “The Unlawful Killings of POWs,” 89–90.

Soviet soldiers who surrendered, and Finnish officers often had great difficulty finding someone to do it.⁸⁶ Crimes against Soviet prisoners of war became possible as a result of the existence of a legal problem. Some provisions of the 1907 Hague Convention and the 1929 Geneva Convention were not accepted by Finnish military law, and the orders given to soldiers during the Continuation War complied with national law in many respects. The most common situation in which prisoners of war were shot behind the front line was execution of a captured fugitive or a prisoner accused of insubordination, as a lesson.

Conclusion

In modern historiography, there are some points of view on the issue why the mortality rate of Soviet prisoners of war in Finnish captivity during the Continuation War was more than 12 times higher than during the Winter War.

In the period between 1941 and 1944, there were significantly more Soviet prisoners of war in Finland than during the Winter War. The Finns were not ready for this, and therefore in the first months they were forced to rapidly expand the camp system and establish administrative control over it. The lack of coordination in the work of different departments led to the fact that sometimes months passed from the moment an USSR soldier was captured by the Finns until he was registered. Newly captured prisoners of war could be executed on the spot, escape, or die from wounds before being transported to an assembly point or transit camp and registered accordingly.⁸⁷ As a result, not all prisoners of war managed to receive cards, and information about them was not recorded in the documents, which makes it impossible to determine the exact number of the Red Army soldiers who were taken captive by the Finns. The confusion at the beginning of the conflict shows that Finland was unprepared for the large number of Soviet prisoners of war.

Throughout the Continuation War, orders regarding prisoner-of-war issues came from the General Headquarters, but responsibility for them rested primarily with the Internal Troops Headquarters. The lack of clarity in the distribution of functions affected, for example, ensuring security and organizing maintenance of camps. It should be noted that the Finnish side did not officially pursue a policy of targeted destruction of the camp prisoners, but 30% of Soviet prisoners of war died in Finnish camps from 1941 to 1944. Most war crimes were committed in the first years of the war, when the Finnish side had confidence in Germany's victory in the war against the Soviet Union.

Thus, we can identify a combination of the following factors that influenced such a high mortality rate of Soviet prisoners of war in Finnish camps: insufficient nutrition;

⁸⁶ Kujala, "The Unlawful Killings of POWs," 92.

⁸⁷ Manninen, *Molotov cocktail*, 281–84.

unsatisfactory living conditions; hard exhausting work; harsh climate; lack of attention to the health of prisoners of war; the policy of the leadership of a particular camp.

Список литературы

Авдеев С.С. Немецкие и финские лагеря для советских военнопленных в Финляндии и на временно оккупированной территории Карелии (1941–1944 гг.) // Вторая мировая война и Карелия. 1939–1945 гг.: материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию начала Великой Отечественной войны (г. Суоярви, Карелия, 9–10 марта 2001 г.) / под редакцией Н.А. Кораблева, В.Г. Макурова. Петрозаводск: Государственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Министерства культуры Республики Карелия, 2001. С. 49–57.

Веригин С.Г. Карелия в годы военных испытаний: Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2009. 544 с.

Веригин С.Г. Сандармох: есть ли в расстрельных могилах советские военнопленные? // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 3 (7). С. 11–21.

Иванов Н.А. Финские лагеря для советских военнопленных на территории Медвежьегорского района Карело-Финской ССР // Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности: материалы VI международной научной конференции, посвященной 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов (г. Петрозаводск, 01–03 июня 2015 г.) / под редакцией К.Ф. Белоусова. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2016. С. 65–71.

Котляров И.И. 70 лет Великой Победы: международно-правовая оценка военных действий германских войск в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 5. С. 13–20.

Кузьминых А.Л. Правовое регулирование режима военного плена в СССР в период Второй мировой войны: теория и практика // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 3 (15). С. 82–92.

Фролов Д.Д. Советско-финский плен. 1939–1944. По обе стороны колючей проволоки. Санкт-Петербург: Алетей; Хельсинки: RME Group Oy, 2009. 639 с.

Христофоров В.С. Документы российских архивов о советских военнопленных в лагерях на территории Финляндии и Норвегии. 1941–1944 гг. // Отечественные архивы. 2008. № 3. С. 65–71.

Collingham E.M. The Taste of War. World War Two and the Battle for Food. London: Allen Lane, 2011. 634 p.

Danielsbacka M. Vankien vartijat. Ihmislajin psykologia, neuvostosotavangit ja Suomi 1941–1944: väitöskirja. Helsingin yliopisto, 2013. 329 p.

Hallikainen J. Toimen menettämisestä raippaa, pilkasta luotiin: neuvostoliittolaisiin sotavankkeihin kohdistunut kurinpito ja mielivalta. Suomen sotavankimuodostelmissa jatkosodan aikana: Suomen historian pro gradu-työ. Jyväskylän yliopisto, 2000. 202 p.

Kujala A. The Unlawful Killings of POWs during the Continuation War, 1941–1944 // Prisoners of War Deaths and People Handed Over to Germany and the Soviet Union in 1939–55. A Research Report by the Finnish National Archives / edited by L. Westerlund. Helsinki: Kansallisarkisto, 2008. P. 85–95.

- Kujala A.* Vankisurmat – Neuvostosotavankien laittomat ampumiset jatkosodassa. Helsinki: Otava, 2008. 332 p.
- Kujansuu J.* Jatkosodan sotavankiorganisaatio // Vihollisen armoilla. Neuvostosotavankien kohtaloita Suomessa 1941–1948 / muokkaaja H. RoikoJokela. Jyväskylä: Minerva Kustannus Oy, 2004. P. 11–26.
- MacKenzie S.P.* The Treatment of Prisoners of War in World War II // The Journal of Modern History. 1994. Vol. 66, № 3. P. 487–520.
- Manninen O.* Molotovin cocktail – Hitlerin sateenvarjo. Toisen maailmansodan historian uudelleenkirjoitusta. Helsinki: Painatuskeskus, 1994. 343 p.
- Mikkola P.* Sotavangin elämä ja kuolema. Jatkosodan neuvostovankien suuren kuolleisuuden syyt: Suomen ja Skandinavian historian pro gradu-työ. Helsingin yliopisto, 2000. 180 p.
- Mikkola T.* Sotavankikysymys Suomessa vuosina 1941–1944: Poliittisen historian pro gradu-työ. Helsingin yliopisto, 1976. 84 p.
- Rautavirta K.* Petusta pitsaan. Ruokahuollon järjestelyt kriisiaikojen Suomessa. Helsinki: Yliopistopaino, 2010. 205 p.
- Rosén G.* Sata sodan ja rauhan vuotta. Suomen Punainen Risti 1877–1977. Helsinki: Suomen Punainen Risti, 2002. 570 p.
- Suolahti I.* Yhteinen vihollinen, yhteinen etu. Sotavankien luovutukset ja vaihdot Suomen ja Saksan välillä jatkosodan aikana. Helsinki: Helsingin yliopisto, 2015. 434 p.
- Westerlund L.* Sotavankien ja siviili-internoitujen sodanaikainen kuolleisuus Suomessa. Muonahuolto, tautisuus ja Punaisen Ristin toimettomuus 1939–44. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2009. 446 p.
- Westerlund L.* The Mortality Rate of Prisoners of War in Finnish Custody between 1939 and 1944 // Prisoners of War deaths and people handed over to Germany and the Soviet Union in 1939–55. A Research Report by the Finnish National Archives / edited by L. Westerlund. Helsinki: Kansallisarkisto, 2008. P. 14–84.

References

- Avdeev, S.S. “Nemetskie i finskie lagerya dlya sovetkikh voennoplennykh v Finlyandii i na vremenko okkupirovannoi territorii Karelii (1941–1944 gg.)” [German and Finnish camps for Soviet prisoners of war in Finland and in the temporarily occupied territory of Karelia (1941–1944)]. In *Vtoraya mirovaya voina i Kareliya. 1939–1945 gg.: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 60-letiyu nachala Velikoi Otechestvennoi voiny (g. Suoyarvi, Kareliya, 9–10 marta 2001 g.)* [World War II and Karelia. 1939–1945: proceedings of the scientific and practical conference dedicated to the 60th anniversary of the outbreak of the Great Patriotic War (Suoyarvi, Karelia, March 9–10, 2001)], edited by N.A. Korablev, and V.G. Makurov, 49–57. Petrozavodsk: Gosudarstvennyi tsentr po okhrane i ispol'zovaniyu pamyatnikov istorii i kul'tury Ministerstva kul'tury Respubliki Kareliya, 2001. (In Russian)
- Collingham, E.M. *The Taste of War. World War Two and the Battle for Food*. London: Allen Lane, 2011.
- Danielsbacka, M. “Vankien vartijat. Ihmislajin psykologia, neuvostosotavangit ja Suomi 1941–1944.” Väitöskirja, University of Helsinki, 2013.
- Frolov, D.D. *Sovetsko-finskii plen. 1939–1944. Po obe storony kolyuchei provoloki* [Soviet-Finnish captivity. 1939–1944. On both sides of the barbed wire]. St Petersburg: Aleteiya; Helsinki: RME Group Oy, 2009. (In Russian)

Hallikainen, J. “Toimen menettämisestä raippaa, pilkasta luotiin: neuvostoliittolaisiin sotavankeihin kohdistunut kurinpito ja mielivalta Suomen sotavankimuodostelmissa jatkosodan aikana.” Suomen historian pro gradu-työ, University of Jyväskylä, 2000.

Ivanov, N.A. “Finskije lagerya dlya sovetskikh voennoplennykh na territorii Medvezh'egorskogo raiona Karelo-Finskoi SSR” [Finnish camps for Soviet prisoners of war in the territory of Medvezhyegorsk Raion of the Karelo-Finnish SSR]. In *Istoricheskie chteniya na ul. Andropova, 5. Istoriya organov bezopasnosti: materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 70-letiyu Pobedy sovetskogo naroda v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 godov (g. Petrozavodsk, 01–03 iyunya 2015 g.)* [Historical readings at no. 5, Andropov Street. History of security agencies: proceedings of the VI international scientific conference dedicated to the 70th anniversary of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War of 1941–1945 (Petrozavodsk, June 01–03, 2015)], edited by K.F. Belousov, 65–71. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU, 2016. (In Russian)

Khristoforov, V.S. “Dokumenty rossiiskikh arkhivov o sovetskikh voennoplennykh v lageryakh na territorii Finlyandii i Norvegii. 1941–1944 gg.” [Documents from Russian archives about Soviet prisoners of war held in the camps in Finland and Norway. 1941–1944]. *Otechestvennye arkhivy*, no. 3 (2008): 65–71. (In Russian)

Kotlyarov, I.I. “70 let Velikoi Pobedy: mezhdunarodno-pravovaya otsenka voennykh deistvii germanskikh voisk v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945)” [70 years of the Great Victory: international legal assessment of the military actions of German troops during the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, no. 5 (2015): 13–20. (In Russian)

Kujala, A. “The Unlawful Killings of POWs during the Continuation War, 1941–1944” In *Prisoners of War Deaths and People Handed Over to Germany and the Soviet Union in 1939–55. A Research Report by the Finnish National Archives*, edited by L. Westerlund, 85–95. Helsinki: Kansallisarkisto, 2008.

Kujala, A. *Vankisurmat – Neuvostosotavankien laittomat ampumiset jatkosodassa*. Helsinki: Otava, 2008.

Kujansuu, J. “Jatkosodan sotavankiorganisaatio.” In *Vihollisen armoilla. Neuvostosotavankien kohtaloita Suomessa 1941–1948*, edited by H. Roiko-Jokela, 11–26. Jyväskylä: Minerva Kustannus Oy, 2004.

Kuz'minykh, A.L. “Pravovoe regulirovanie rezhima voennogo plena v SSSR v period Vtoroi mirovoi voiny: teoriya i praktika” [Legal regulation of the military captivity regime in the USSR during World War II: theory and practice]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*, no. 3 (15) (2011): 82–92. (In Russian)

MacKenzie, S.P. “The Treatment of Prisoners of War in World War II,” *The Journal of Modern History*, vol. 66, no. 3 (1994): 487–520.

Manninen, O. *Molotov'in cocktail – Hitlerin sateenvarjo. Toisen maailmansodan historian uudelleenkirjoitusta*. Helsinki: Painatuskeskus, 1994.

Mikkola, P. “Sotavangin elämä ja kuolema. Jatkosodan neuvostovankien suuren kuolleisuuden syyt.” Suomen ja Skandinavian historian pro gradu-työ, University of Helsinki, 2000.

Mikkola, T. “Sotavankikysymys Suomessa vuosina 1941–1944.” Poliittisen historian pro gradu-työ, University of Helsinki, 1976.

Rautavirta, K. *Petusta pitsaan. Ruokahuollon järjestelyt kriisiaikojen Suomessa*. Helsinki: Yliopistopaino, 2010.

Rosén, G. *Sata sodan ja rauhan vuotta. Suomen Punainen Risti 1877–1977*. Helsinki: Suomen Punainen Risti, 2002.

Suolahti, I. *Yhteinen vihollinen, yhteinen etu. Sotavankien luovutukset ja vaihdot Suomen ja Saksan välillä jatkosodan aikana*. Helsinki: Helsingin yliopisto, 2015.

Verigin, S.G. “Sandarmokh: est' li v rasstrel'nykh mogilakh sovetskie voennoplennye?” [Sandarmokh: are there Soviet prisoners of war in the death pits?]. *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo*, no. 3 (7) (2017): 11–21. (In Russian)

Verigin, S.G. *Kareliya v gody voennykh ispytanii: Politicheskoe i sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Sovetskoj Karelii v period Vtoroi mirovoi voiny 1939–1945 gg.* [Karelia during the years of ordeal by war: The political and socio-economic situation of Soviet Karelia during World War II, 1939–1945]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU, 2009. (In Russian)

Westerlund, L. “The Mortality Rate of Prisoners of War in Finnish Custody between 1939 and 1944.” In *Prisoners of War Deaths and People Handed Over to Germany and the Soviet Union in 1939–55. A Research Report by the Finnish National Archives*, edited by L. Westerlund, 14–84. Helsinki: Kansallisarkisto, 2008.

Westerlund, L. *Sotavankien ja siviili-internoitujen sodanaikainen kuolleisuus Suomessa. Muonahuolto, tautisuus ja Punaisen Ristin toimettomuus 1939–44*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2009.

Информация об авторе

Хорошев Анатолий Алексеевич – аспирант кафедры отечественной истории, <https://orcid.org/0009-0006-5111-021X>, anatliij-khrshev@rambler.ru, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (д. 17, Набережная Северной Двины, 163002 Архангельск, Россия).

Information about the author

Anatolii A. Khoroshev – Postgraduate student of the Department of Russian History, <https://orcid.org/0009-0006-5111-021X>, anatliij-khrshev@rambler.ru, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (17, ul. Naberezhnaya Severnoi Dviny, Arkhangelsk, Russia, 163002).

Статья поступила в редакцию 20.01.2023; одобрена после рецензирования 22.02.2023; принята к публикации 02.03.2023.

The article was submitted 20.01.2023; approved after reviewing 22.02.2023; accepted for publication 02.03.2023.